

18+

МАРИЯ
Висоцкая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕ ОТПУЩУ,
моя девочка

Мария Высоцкая

Не отпущу, моя девочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73172058

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы расстались четыре года назад. Он спорил на меня, предал меня. Разрушил нас этим. А я, я добила. Сказала, что больше не люблю его. Мы возненавидели друг друга, но этого оказалось слишком мало, чтобы перестать любить по-настоящему.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	73
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мария Высоцкая

Не отпущу, моя девочка

Глава 1

Майя

– Майя, покупатели приедут с минуты на минуту, я предупредила вчера, что на просмотре будет наша дочь и у нее есть генеральная доверенность. Я тебя умоляю, не опаздывай только, – тараторит мама в телефонную трубку.

– Я уже на месте, мамуль. Зашла в дом, – оповещаю, бренча ключами, прямо в микрофон, и зажигаю свет.

– Хорошо. Прости, что все на тебя свалили. Этот отпуск совсем не вовремя.

– Мама, не волнуйтесь. Отдыхайте с папой, загорайте и не переживайте. Я квалифицированный юрист, я теперь со всем справлюсь, – смеюсь.

– Это я знаю. Отзвонить потом.

– Хорошо. Папе привет передавай. Пока!

Сбрасываю звонок и смотрю на себя в зеркало. Родители буквально месяц назад достроили новый дом и выставили на продажу старый. Покупателей было не так много, потому что стоимость на землю в нашем поселке сильно возросла за последние годы и цены стали кусачими для КП* комфорт-клас-

са. Именно поэтому каждый потенциальный покупатель для нас на вес золота.

Остановив себя на этой мысли, нервно улыбаюсь зеркалу, взбивая волосы. В дверь раздается звонок, от которого по коже пробегает табун мурашек. Это волнительно – быть уже настолько взрослой, чтобы участвовать в продаже родительского дома. Не думаю, что в двадцать два года многие этим занимаются. Напоследок улыбаюсь своему отражению и спешу открывать. Сегодня просто показ, который образовался напрямую через наших соседей, да еще и очень внезапно, из-за этого наш риелтор не смог приехать, а на другую дату с покупателями договориться мы не смогли. Поэтому, собственно, показ и буду проводить я.

В дверь вновь звонят, отчего я ускоряю шаг и с силой дергаю ручку, растягивая губы в улыбке.

За порогом вижу девушку, которая мне мило улыбается. Невысокая шатенка, примерно моего возраста. Ловлю себя на мысли, что внешне мы похожи. Приветливо киваю.

– Здравствуй, – отхожу чуть в сторону, давая ей возможность пройти.

– Добрый день, вы простите, что мы вот так внезапно, Есения сказала, вы ее дочь.

– Да. Я Майя, – представляюсь. – Все прекрасно, проходите, – склоняю голову в сторону дома. – Вы одна?

– Нет, мой молодой человек забыл телефон в машине. Я Анна, кстати.

– Очень приятно.

– И мне.

Быстро пожимаем с Анной друг другу руки, а потом происходит то, чего я ожидала меньше всего в этой жизни. Бро-саю взгляд на открытую дверь, а сердце с бешеной скоростью летит в пятки.

Арсений Мейхер собственной персоной.

Сглатываю, пытаюсь ухватиться за воздух позади себя ладо-ню в поисках поддержки, которой нет. Теперь рассматри-ваю шатенку иначе. Не знаю, зачем это делаю, столько вре-мени прошло, стоило давно все забыть. Я и забыла. Не дума-ла о нем, не вспоминала, начала строить отношения, но это оказалось труднее, чем в семнадцать, особенно когда в тебе убили любовь, вырвали сердце и лишили чувств.

Секунда. Одна секундочка, но мир замирает, нет, замира-ет вся Вселенная. Это он! Нервно сглатываю, в горле образу-ется ком. По телу проходит электрический разряд, а в ушах стоит звон. Прикрываю глаза и чувствую, как медленно на-чинаю идти ко дну.

Стараюсь улыбаться, но это, оказывается, так трудно. Невыносимо трудно.

– Здравствуйте, – произношу ровно.

Я ничего к нему не чувствую. Все в прошлом. Все, что у меня есть к нему, это обида.

– Здравствуй, Майя, – Арс бросает на меня холодный, пробирающий дрожью до костей взгляд, предпочитая, в от-

личие от меня, не делать вид, будто мы незнакомы.

Он изменился за эти четыре года. Стал явно взрослее, не столько внешне, сколько взглядом. Теперь он у него гораздо суровей. Да и темные, как смола, волосы больше не растрепаны в хаотичном беспорядке, а идеально уложены назад.

Арс осматривается. Он был в этом доме много раз, и с тех пор тут ничего особо не изменилось.

– Вы знакомы? – щебечет Аня.

– Учились в одном классе, – бормочу, натягивая на лицо глупую улыбку.

Учились. Любили. Верили, что это навсегда. Тогда будто даже знали, что навсегда. А потом все рухнуло.

– Да? Здорово. Начнем показ? – продолжает улыбаться Аня.

– Конечно, – произношу, прочистив горло, и указываю рукой на лестницу. – Давайте начнем со второго этажа, – выговариваю на одном дыхании, а сама никак не могу понять, зачем они здесь. Мейхер – сын олигарха, ему не нужен дом в поселке комфорт-класса. Неужели он здесь из-за меня?

Пропускаю Анну вперед, предполагая, что Арс пойдет за ней следом, но он будто специально останавливается рядом со мной.

На мгновение в душе становится тепло, словно открылось второе дыхание, а потом удар – глухой и жесткий. Это вырывается вся та боль, которую я хранила в себе все эти годы, она коварная и всепоглощающая, она несет в себе разрушитель-

ную силу. Таковую, которая сминает все на своем пути. Она обволакивает тело, оборачиваясь яростью, слепой, неуправляемой яростью.

Я ведь даже не плакала после того, как мы расстались. Не могла. Потому что, если бы упала хоть одна слезинка, я бы, наверное, никогда уже не смогла остановиться и просто сошла с бы ума. С ума от этой потери. От той боли, что потом долго меня преследовала молчаливой тенью.

Мейхер расплывается в ленивой, но колкой улыбке, прежде чем пройти к лестнице, а я, я как дура шарахаюсь от него в сторону, чем вызываю на его лице еще большую насмешку.

«Я всегда буду выбирать тебя, Майя».

Отдается эхом в голове его голос. А следом:

«Это ты виновата. Слышишь? Это ты во всем виновата. Я тебя ненавижу. Ты все испортила. Ты все разрушила. Ты... Дура! Набитая дура! Где твоя справедливость? Где она? Что ты молчишь? Чего ты молчишь?!»

Внутри что-то обрывается в этот момент, и весь мой выстроенный мир рушится, катясь в тартарары.

Опять.

Мой проход по лестнице ощущается путем на гильотину, а от нахлынувших воспоминаний становится еще труднее держать лицо. Перешагиваю последнюю ступеньку, оказываясь на втором этаже. Анна уже прошла вглубь и даже

успела открыть дверь в общей ванной.

– Просторно. Санузел один на весь этаж?

– Нет. В моей бывшей спальне и комнате родителей тоже есть, – указываю на двери. – Там есть прилегающие комнаты под санузел и гардероб.

– Отлично. Честно говоря, снаружи дом кажется меньше, но на самом деле так просторно. Мне все очень нравится, – Анна улыбается и дергает ручку двери в мою спальню. – Ой, какое тут все розовенькое и миленькое, – комментирует Анна, и я понимаю, что она уже заперлась в мою бывшую комнату.

Переглядываемся с Мейхером в этот момент. Он бывал тут десятки раз. В этой самой спальне.

Отвожу глаза, как только соображаю, что мы с ним друг на друга пялимся, а на языке тут же оседает вопрос: неужели они выбирают дом для себя? Они вместе живут? Мейхер с кем-то живет? В голове подобное не укладывается.

Стоп! Нужно остановиться. Это не мое дело. Арс больше не моя жизнь, и мне должно быть глубоко плевать, где он и с кем. Должно, но, когда он вот так нагло заявляется на твою территорию, держать себя в узде трудно. Не думать трудно. Не злиться – тоже.

Мы не очень хорошо расстались. Со скандалом. Он просил, чтобы я в его жизни больше не появлялась, я парировала тем же, но тем не менее сейчас я вижу Мейхера перед собой.

Что это, если не издевка?

– Арс, можно тут даже не переделывать ничего. Алиске понравится! А мебель остается же?

Кто такая Алиса?

– Да. Да, – часто киваю, застывая на пороге.

Родители продают дом с мебелью, в новый почти ничего не забирали, да и я, кроме своего матраса, отсюда к себе на квартиру ничего не увезла.

– Я в гардеробную загляну?

– Конечно, – киваю, обнимая свои плечи.

Анна скрывается за дверью, а я смотрю за свою спину и не нахожу там Мейхера, который остался на этаже. В спальню он не заходил. Близко не подошел. Тихонечко переступаю порог и выглядываю из комнаты. Арса нигде нет.

Прохожу по этажу к лестнице, снова оглядываюсь, а когда останавливаюсь, чувствую, что больше не одна здесь.

– Кого-то потеряла, Майя?

Его голос звучит над ухом. Он стоит у меня за спиной. Он подошел, а я даже не почувствовала. Переступаю с ноги на ногу в попытке сбросить это оцепенение и только сейчас понимаю, что пальцы Арса с силой сжимают мой локоть. На его губах гадкая улыбка, особенно если учесть репутацию Арса. За последние годы что о нем только не говорили и не писали. Сын олигарха, завидный холостяк, которому приписывали романы с голливудскими звездами и моделями. Для чего это божество спустилось на нашу землю теперь, я вообще не понимаю. Когда он вернулся из Штатов?

– Кажется, ты обещал больше не появляться в моей жизни, – произношу на вдохе.

– Видимо... Соврал.

Слышу его ухмылку. А кожа в том месте, где смыкаются его пальцы на моей руке, начинает огнем гореть. Волнение захлестывает в ту же секунду. Он критично близко. Недопустимо просто!

– Чего ты от меня хочешь? Зачем вернулся?! Пусти!

Паникую. Паникую. Паникую. Мы расстались четыре года назад. Он спорил на меня, предал меня...

Мы не должны были больше встретиться. Никогда не должны были. Я все забыла. Я начала новую жизнь. Какого черта он появился? Зачем?!

Дергаюсь, чтобы он отпустил, но делаю этим лишь хуже. Арс резко разворачивает меня к себе. Запрокидываю голову, совершая короткие рваные вдохи. Взгляд мечется по его лицу.

– Ты была права тогда, я не умею любить, Майя. Только разрушать.

А разве ты уже этого не сделал? Разве не разрушил меня? Мою жизнь? Разве не убил все живое, что во мне было?

Закрываю глаза. Чувствую дрожь в теле. Нужно успокоиться, выдохнуть. Четыре года назад ему было бессмысленно что-то доказывать, он меня не слышал. А сейчас, сейчас я уже не хочу ничего выяснять. Больше нет. Я хочу, чтобы он ушел. Чтобы исчез. Навсегда. Пусть уезжает в свою Аме-

рику. Пусть растворится и никогда обо мне не вспоминает.

Четыре года назад я ему соврала. Соврала и сказала, что больше не люблю. У меня не было выбора, мы не слышали друг друга, но и отпустить не могли. И я решила, решила, что так будет лучше. Будет лучше, если он услышит, что я больше не люблю...

– Ты давно все разрушил, Арс. Я вычеркнула тебя из своей жизни. Навсегда. Поэтому уезжай. Уезжай, пожалуйста, и не появляйся здесь больше. Слышишь? Никогда!

– Не надейся. Так легко я тебя больше не отпущу, моя девочка. Я здесь надолго, и тебе придется смириться.

– Зачем ты это делаешь? – смотрю на него и совсем не понимаю.

– Потому что могу, – произносит в мои губы, тем самым повышая мой пульс на какие-то космические цифры.

Холодный пот стекает по спине тоненькими ручейками. Волнение зашкаливает. Я дико нервничаю и даже парировать его словам не могу. Просто стою, смотрю на него и молчу.

Потому что могу.

Звучит как какая-то насмешка.

Потому что могу.

Как угроза.

Потому что могу!

Как превосходство.

Сглатываю, опускаю глаза, смотрю на свои туфли, все еще

продолжая ощущать *его* прикосновения. Мы по-прежнему рядом. Совсем близко. Я слышу, как он дышит, мне даже кажется, что слышу, как бьется его сердце.

Провожу ладонью по волосам, выдыхаю, убираю прядку за ухо. Отвлекаю себя, позволяю себе собраться с мыслями, прежде чем поднять голову и снова на него посмотреть. Когда это происходит, вздрагиваю. Вздрагиваю, потому что не ожидаю увидеть то, что вижу. Его взгляд. На миг он не кажется пустым и холодным. Наоборот, пылким и максимально заинтересованным. Этот миг настолько мал, что секунды спустя его «живые» глаза кажутся мне галлюцинацией.

Я только что увидела то, чего хотело мое подсознание...

За эти четыре года я и ненавидела Мейхера, и отчаянно жалела, что все так произошло. Скучала. Очень по нему скучала.

Представляла, как мы случайно где-то столкнемся. Строила в своей голове какие-то глупые диалоги, воображала, как буду себя вести. Была уверена в том, что все выдержу, а еще в том, что если мы вдруг столкнемся, то почувствуем друг друга, как когда-то, решим засесть где-нибудь в кафе, чтобы поговорить и понять, какими были дураками.

Нет, конечно, были и другие версии развития событий моего воображения. Иногда мы сталкивались в толпе взглядами, но я проходила мимо, проходила, а когда оглядывалась, видела его замершую фигуру в этой толпе, его глаза, что смотрят только на меня, а мне, мне там было уже все равно.

А иногда Арс врывался в мою жизнь, чтобы все вернуть. Обнимал, целовал и говорил, что любит. Говорил, что никогда не считал меня виноватой.

Но самыми болезненными были наши встречи через много-много лет. Десять или пятнадцать, когда мы все уже забыли, когда каждый построил свою жизнь, семью... Когда все, что между нами было, и правда осталось в далеком прошлом.

Я думала об этом и чувствовала себя опустошенной. В такие моменты у меня словно забирали часть сердца.

В общем-то, версий было миллион, я засыпала под них, а еще под воспоминания о нас. Под хорошие воспоминания. Почему-то плохое тогда отодвигалось на второй план.

А теперь вот... Мы встретились. Не на улице, не в толпе, не улыбнулись друг другу и даже не прошли мимо. Он пришел в мой дом по-хозяйски, с присущей ему наглостью и черствостью.

Переступаю с ноги на ногу, бросаю взгляд на свое запястье, которое окольцевали пальцы Арса. Главное – дышать.

– Отпусти, это лишнее сейчас, – произношу каким-то не своим голосом.

Нужно собраться. Хватит уже, Майя! Хватит быть тряпкой!

– Сейчас? Получается, – Мейхер крутит мою руку в своей ладони, едва заметно заостряя уголки губ, – что не сейчас можно?

Он ловит мой взгляд, прищуривается, а мне хочется ответить ему оплеуху. Что за самонадеянность вообще?!

– Ты приехал с какой-то целью?

– Ты же помнишь, да? – склоняется к моему уху, почти касаясь его губами. – Только путь. Никакой цели.

Он шепчет, а я покрываюсь мурашками.

– Арс, мне очень нравится! – голос Анны звучит где-то совсем близко.

Вздрагиваю. Начинаю нервничать по второму кругу, потому что это просто недопустимо. Недопустимо, чтобы она нас вот так увидела!

Вырываю свою руку из захвата Мейхера, к счастью, он позволяет, и делаю два широких шага назад, пока не упрусь в лестничные перила.

– Супер, – Арс разворачивается к вышедшей из спальни Анне лицом.

– Так, нам еще первый этаж осталось посмотреть. Майя, можно?

– Да. Да. Конечно, – указываю на лестницу. – Идемте.

Спускаюсь первой и заворачиваю на кухню.

– Уютно, – комментирует Анна. – Я бы заменила столешницы, а так очень неплохо.

Отхожу к окошку, чтобы не мешать просмотру. Мейхеру в этот момент звонят, и он выходит в гостиную. Наблюдаю за тем, как исчезает его фигура, и, обхватив свои плечи ладонями, спрашиваю Анну:

– Вы смотрите дом для себя?

Она отзывается не сразу. Рассматривает панорамное окно с видом на бассейн.

– Для родителей. Хочу перевезти их в Москву. Накопила денег и вот решила сделать им небольшой подарок.

– Понятно, – киваю, чувствуя себя еще более неудобно.

Зачем я это спрашиваю? Ну вот зачем?

– У нас очень хороший поселок, дом, папа строил под нас, это не проходной какой-то проект...

– Это видно, – Анна снова улыбается. – Арс сразу сказал, что дом хороший, когда я ему показала.

– Ммм. Ну да, он тут бывал, – произношу с какой-то глупой горделивостью, чем явно смущаю Анну. – Раньше, – добавляю почти сразу.

– Да? Он не говорил.

– Видимо, к слову не пришлось. Давайте я лучше покажу вам участок. Из кухни есть выход на задний двор. Вот тут, – указываю на стеклянную дверь и пропускаю Анну вперед.

Себя же ругаю за то, что все это несу и спрашиваю. Вот оно мне надо?

– У вас же тридцать соток, верно?

– Именно.

Шагаю по дорожке, выложенной плиткой, следом за Анной. Без Мейхера проводить этот показ мне гораздо проще. Хорошо, что ему позвонили.

– Мне нравится все, в общем-то. Но я бы взяла пару дней

подумать.

– Конечно. Это правильно, – улыбаюсь.

– Честно, даже не верю, что скоро перевезу семью, – мечтательно тараторит Анна. – Ужасно по ним скучаю. Мы пару раз в год всего видимся, – начинает со мной зачем-то откровенничать.

– А вы откуда?

– Я из маленького города на Урале, думаю, вы о таком не слышали даже. Поступила в Москву на бюджет, потом попала на конкурс красоты, выиграла, стала моделью, и вот, – Анна с гордостью выдыхает. – А вы учитесь еще?

– Учусь, – киваю. – В магистратуре. И работаю.

– Кем?

– Я следователь. Точнее, – морщу нос, потому что вру, получается, – пока еще стажер, но это ненадолго.

– Ничего себе, никогда бы не подумала.

Дверь в доме хлопает, и мы с Анной одновременно находим взглядом источник шума. Это Мейхер, и он вышел на задний двор.

– Я все посмотрела. Можем ехать, – радостно сообщает Анна.

Арс кивает, не выражая никаких особых эмоций. Правда, когда я хочу закрыть за ними дверь, Мейхер притормаживает. Его девушка к тому времени уже успевает уйти вперед.

Впиваюсь пальцами в дверную ручку, замечая, что Арс поставил ногу так, что я не смогу закрыть дверь.

***КП** – КОТТЕДЖНЫЙ ПОСЕЛОК

Глава 2

Арсений

Нужно что-то говорить. Нужно, но я только смотрю на нее. Чувствую, как Майя наваливается на дверь, чтобы ее закрыть, но ногу не убираю.

Нужно что-то говорить, но связать даже пару слов сейчас не представляется возможным.

Нужно что-то говорить, потому что иначе я выгляжу полным кретином. Хотя, уверен, что она может подобрать эпитеты обо мне в разы хуже.

Нужно что-то говорить, но я просто пялюсь на нее и до сих пор не верю, что она настоящая, что между нами всего какие-то десятки сантиметров.

Это была тупая идея – приехать сюда. Я до последнего сомневался, и не зря. Кажется, сделал только хуже. Себе в первую очередь, потому что ломает. Потому что ничего не забыто. Потому что чувство вины преследует до сих пор, оно извращенное, смешанное с болью и ненавистью. Последней в моей крови избыток.

Я ненавижу *ее* все эти четыре года просто потому, что это то чувство, на котором можно хоть как-то функционировать. Оно как топливо, что дает жизнь. Иначе чистилище.

Смотрим друг другу в глаза буквально секунды, прежде

чем Майя отводит взгляд. Мой же приклеивается к ней настолько, что не смотреть на нее я просто не могу. Четыре года прошло, а она совсем не изменилась. Разве что не одевается с ног до головы в розовые тряпки.

Четыре года, но я до сих пор до конца не уверен, было ли у нее тогда что-то с Вэлом...

С моим другом. Нет, скорее приятелем. Друзей у меня никогда не было. Дружба – это что-то эфемерное, не относящееся к жизни.

Я застал ее у него в квартире. В одном белье, прямо на кровати. Мозг взорвался тогда.

Разгон от «она не могла» до «предательница» был секундным.

Четыре года я варюсь в этих ощущениях на грани веры и предательства.

Четыре года пытаюсь понять, кому это было нужно. Ладно, тут преувеличиваю, первые два мне было плевать и на Панкратову, и на наше прошлое. Единственное, чего я хотел, – забыться. Не вспоминать. Вычеркнуть. Не думать.

Но до сих пор любое малейшее воспоминание о том дне триггерит. До сих пор...

Майя убирает прядку волос, упавшую на лицо, за ухо, при этом смотрит куда-то в сторону и молчит. Молчит, испытывая мое терпение, расшатывая мою нервную систему этой тишиной.

Я ее голос четыре года не слышал, а сегодня перетряхну-

ло.

Нужно что-то сказать, но в конце концов я просто убираю ногу, позволяя Майе закрыть эту чертову дверь.

Сбегаю по лестницам к своей тачке. Анька уже залезла внутрь. Сажусь за руль, в него же впиваюсь пальцами до белеющих костяшек. Короткий миг, чтобы порефлексировать, чтобы выдохнуть. Все прошло гораздо труднее, чем я только мог себе представить. Ступор.

Ступор на протяжении всего моего нахождения там.

Увидеть ее – это как второе пришествие. Как раскат грома, удар молнии, проходящий через все тело. Смертельная лихорадка и флешбэки.

Флешбэки. Флешбэки. Флешбэки.

Каждое прикосновение, поцелуй, каждая прожитая рядом с ней тогда секунда – все это возрождалось в памяти с бешеной скоростью.

В этом доме все до сих пор напоминает о нас. Атмосфера, интерьеры, запахи. Там было сосредоточение счастья просто потому, что Майя там жила.

Это странно, но я уже не в первый раз за последние часы ловлю себя на мысли, что продажа этого дома в моем сознании приравнивается к продаже нашего прошлого.

Дико глупо.

Дичайше.

– Ты в порядке?

Слышу Анькин голос, моргаю и завожу тачку. Молча вы-

езжаю с территории Панкратовского дома, прежде чем начинаю говорить.

– В полном.

– Слушай, мне правда понравился этот дом. Кажется, это именно то, что я искала.

– Это не твой вариант, – обозначаю в ту же секунду. – Рассказывай лучше...

Аня барабанит пальцами по своей сумочке, задумчиво прищуривается, а потом выдает самую банальную на свете вещь:

– Она волновалась.

Серьезно? Волновалась? А я это тип не заметил?

– Это я и сам видел. Она что-то спрашивала?

– Ну-у-у, ей точно не понравилось то, что мы с тобой пара. И она интересовалась, для кого мы выбираем дом. Для нас или для кого-то еще. Даже как бы припомнила, что ты там бывал не раз раньше, – Анька улыбается, откидываясь затылком на подголовник.

– А ты?

– Я рассказала правду о том, что ищу дом для родителей.

Ну и добавила, что я модель.

– Зачем?

– Ренат говорил, что ты вечно тусуешься с моделями. Это логично, если твоя девушка будет моделью. Нет?

– И часто вы с Гимаевым обо мне говорите? – въезжаю в город и сразу встаю на красный светофор.

– Только если ты влипаешь в какой-то скандал, как с той селебой из Нью-Йорка. А вы правда встречались?

Киваю.

– И как она?

– Х**во сосет.

– Фу, блин. Я не об этом, вообще-то, – Анька цокает языком, закатывая глаза.

– Тебя куда? Домой? В офис?

– К Ренату, мне теперь нужна психологическая поддержка.

Ржу. Аньку я знаю уже года два. Просто однажды Гимаев прилетел с ней ко мне в Штаты в отпуск, и после того раза по отдельности я их больше словно не видел.

Сейчас она и правда ищет дом, чтобы перевезти своих родителей в Москву. Я был у них с Ренатом на квартире, когда риелтор предложила ей дом Панкратовых на просмотр как один из вариантов.

Это было знаком. Я не мог проигнорировать. Просто не мог. Накатило за секунды.

В последний момент выяснилось, что родителей Майи в городе нет, а их агент может показать недвижку не раньше, чем через два дня. Но вариант, что дом покажет дочь владельцев, заинтересовал меня куда больше. Стоит ли говорить, что он подходил мне абсолютно по всем параметрам?

В итоге я, можно сказать, одолжил Аньку у Рената. В хорошем смысле этого слова.

Я не мог приехать туда просто так и не мог не попросить Аньку назваться своей девушкой потому, что Майя сейчас не просто не одна. Она с Кудяковым...

Она с ним последний год как минимум. С Кудяковым...
С моим бывшим другом.

Что она мне тогда говорила? Что я не умею любить никого, кроме себя? Зато Кудяков, видимо, справляется с этим на пятерку. Чувак, у которого вообще отсутствуют всякие принципы, для Панкратовой оказался лучше меня.

Спасибо, моя любовь. Добила.

Я не наводил справки намеренно, но Ренат предупредил. Сразу предупредил, как только я вернулся в Москву, что Майя с Вэлом. Это было в июне. С тех пор прошло три месяца.

Сколько раз за это время мне хотелось где-нибудь случайно встретиться с Кудяковым и разбить этому козлу морду? По пальцам не пересчитать, потому что их просто не хватит.

Ненавидеть ее из-за бугра было легче. Не думать о ней там тоже было легче. Тут же, стоило сойти с трапа, и будто специально накатило. Все до мельчайших деталей. Каждый наш с ней диалог вспомнился. Каждая ее бл*дская улыбка. Полнейший аут, короче.

За четыре года я всего два раза был в Москве. Сначала на свадьбе брата. Потом на рождении племянницы. Марат женился на своей Тае через год после окончания школы, еще через полгода эта девка залетела.

Отец рвал и метал тогда, даже на свадьбу не пришел. Я, наверное, и прилетал-то только потому, что не мог кинуть брата. Хотелось его поддержать, независимо от того, насколько мне противна эта его Тая. У нее же на лбу написано: меркантильная тварь, которая вовремя подсуетилась, но Маратик будет не Маратик, если откроет наконец-то глаза и поймет, что его жена – обыкновенная приживалка, ищущая хорошей жизни. Голодранка, вытянувшая счастливый билет в сытую жизнь.

Теперь у них еще и ребенок. Малой уже полтора года или чуть больше. На Марата похожа.

Оттормаживаю тачку у офиса Рената. Двигатель не глушу, потому что заходить не планирую. Честно говоря, после этой эпичной встречи, спустя четыре года, хочется нажраться, а не вести светские беседы.

– Не зайдешь? – спрашивает Анька.

– Не, поеду. Дел по горло еще.

– Ладно. Тогда пока.

– Пока. Спасибо, что... Подыграла.

– Всегда рада помочь. Заезжай к нам в гости.

– Ага, – киваю, нервно постукивая пальцами по рулю. Уже не терпится, чтобы Анька побыстрее свалила.

Как только хлопает дверь, срываюсь с места. На дороге выжимаю газ в пол до первого красного светофора и резко оттормаживаюсь, чтобы не вылететь на перекресток.

«Ты давно все разрушил, Арс. Я вычеркнула тебя из своей

жизни. Навсегда. Поэтому уезжай. Уезжай, пожалуйста, и не появляйся здесь больше. Слышишь? Никогда!»

Слышу ее голос у себя в голове снова и снова.

– Губу закатай, – чеканю сквозь зубы. – Я здесь надолго. Это мой город, а значит, и ты моя. С Вэлом она, бл*дь. Серьезно?

Бешусь дико. Сам с собой уже, блин, разговариваю.

Увидел ее в реале сегодня, и что-то полетело. Внутри за грудиной точно что-то екнуло. Думал, что прошло. Четыре года – большой срок. Я вытравливал ее из себя все эти годы. Думал, получилось, а когда увидел, как она смотрит, как говорит, ходит, дышит, бля, все словно обнулилось. А в сердце снова вернулось это щемящее чувство, от которого не убежать.

За ним же пришла и ревность. Я ведь не первый день знаю, что она с Вэлом, живу с этим как-то. Жил. До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня меня снова сбоят, равно как и в прошлом. Тогда мне постоянно казалось, что Майя вот-вот от меня ускользнет. Крышу срывало от одной только мысли, что ее в моей жизни не будет. Каждый, у кого есть член, рядом с ней воспринимался не просто в штыки, меня полноценно так накрывало. Ярость и никакого контроля. Хотелось убивать в такие моменты.

Она же этого не понимала.

Меня на части рвало, а она улыбалась и говорила, что все

это глупости. Все они ничего не значат...

А по итогу выяснилось, что и я ни черта не значил. У нее перегорело, а меня размазало.

Заезжаю на закрытую парковку дома, где живет Марат, мы договорились, что я заеду еще позавчера. У него ко мне какое-то дело. Закрываю тачку и захожу в лифт. В дверь не звоню, потому что мелкая может спать. Стучу.

Дверь открывает Тая со своим вечно недовольным хлебальником.

– Васька спит, – шипит с порога.

– Я ее будить и не собирался. Марат где? – захожу в квартиру и разуваюсь.

– В детской. Сейчас позову.

– Ага, – прохожу в гостиную без приглашения, оттуда заворачиваю на кухню. Открываю холодильник и дергаю с боковой полки бутылку вискаря.

Вытаскиваю из шкафа над раковиной первую попавшуюся кружку и откупориваю бутылку. Марат в этот момент как раз появляется в поле моего зрения.

– Здорово, – киваю и наполняю кружку до половины. – Чего хотел?

– Привет, – Маратик прикрывает дверь в кухню и огибает мраморный островок. – Как дела? Как работа? Отец уже ввел тебя в курс всех дел?

– Плюс-минус. Нормально все.

– Супер. Слушай, можешь одолжить денег? У отца просить не хочу, ты сам знаешь...

– Знаю. Ты же неделю назад получил нехилый гонорар. Нет?

Марат – актер. Последний год его карьера прет в гору, главные роли, реклама, шоу всякие. Соответственно, бабла он гребет немерено.

– Да я Тае машину купил. Давно обещал, на рождение Василисы еще, но тогда напярэг с деньгами был, сам знаешь.

– Тачку? На все? Ты серьезно? Сначала дом ее бабке, хата эта под залог той, что тебе родаки подогнули, – развожу руки в стороны, – теперь еще тачка. За сколько? Лямов за тридцать? Глаза открой уже!

– Ты говоришь как наш отец. Тая теперь наша семья, такая же, как...

– Все, – поднимаю ладони, – не заводи шарманку.

Глава 3

Майя

– Ну что там? Как прошло? Все рассказывай, – тараторит мама в трубку.

– Отлично. Девушку заинтересовал наш дом, она взяла пару дней подумать, – откидываюсь на подголовник и жду, когда запаркуется моя машина.

Все-таки наличие функции автоматической парковки в разы облегчает жизнь.

– Прекрасные новости. Может быть, продажа сдвинется с мертвой точки.

– Надеюсь, – жму плечами, будто мама может это увидеть чуть ли не на другом конце земли.

Про то, что Арс был на просмотре, умалчиваю. Маме это знать не нужно, а у Мейхера, надеюсь, хватит ума больше там не появляться. Родители прилетают послезавтра и, если Анна решит купить дом, подписывать документы они будут уже без меня.

Не думаю, что мама с папой обрадуются, увидев Мейхера. Не то чтобы они записали его во враги после нашего расставания, но по умолчанию сделали крайним. Я им, конечно, все рассказала, что между нами произошло, как это случилось...

Мама с папой поддержали, не дали раскиснуть. Наверное, я просто ради них не плакала по Арсу, как бы больно мне ни было. Не хотела их расстраивать еще больше просто потому, что они и без моих слез понимали, как трудно мне далось это расставание.

Когда в инете стали появляться первые скандальные заголовки, где полоскали имя Мейхера и его девиц, я думала, умом тронусь, на тот момент всего месяц прошел. Тридцать дней, а Арс уже ушел в отрыв. Не скрывал ни от кого даже. Трахал там каких-то левых телок за океаном и наслаждался жизнью.

Он там кутил, а я тут на стены лезла. О нем писали, фотки постоянные постили. Возможно, не тусуйся он со всякими селебами, я бы ничего и не узнала, а он, он словно специально это делал, чтобы я увидела. Мстил так.

Он же не поверил, что у нас с Вэлом ничего не было тогда. Было очень обидно. Принял меня за какую-то шлюху, которая сегодня с одним, а завтра с другим. Предал этим и тем, что вот так мерзко потом решил отыгаться. На весь мир почти.

Когда я читала какие-то новости, хотелось отмотать время и влюбиться в какого-то простого парня. Не сына олигарха, который свалит в Штаты и спутается там с популярными моделями или актрисами. Нет! Обычного парня, у которого не будет возможности и ресурса на все это, не будет доступа к этому.

Если бы он был просто Арсением, сыном какого-то рядового бизнесмена, я бы не видела все эти новости, не смотрела фотки и короткие ролики с тусовок. Мне было бы не так больно...

Выхожу из машины, прихватив сумочку с соседнего кресла, и, щелкнув брелоком, направляюсь к подъезду.

Родители подарили мне квартиру два года назад. Хороший ЖК недалеко от университета. Не центр, но и не окраина. Приличный район, закрытая территория жилого комплекса, не высотка. Всего шесть этажей. Я, кстати, на четвертом. Кнопку именно с этой цифрой и нажимаю в лифте.

– Ну и хорошо. У тебя как дела?

– Нормально, мам.

Открываю дверь ключом. Оказавшись в прихожей, сразу же разуваюсь. Снять каблуки после тяжелого дня – это что-то на прекрасном.

– Валентина тебе вечером привезет еду на несколько дней. А то я тебя знаю, будешь питаться одним кофе или в ресторанах.

– Спасибо. – Перевожу телефон на громкую связь и заваливаюсь на диван в гостиной. – Ты имеешь что-то против ресторанов? – смеюсь и прям вижу, как мама там, за тысячи километров, закатывает глаза.

Готовлю я отвратительно. Дома это всегда делала либо мама, либо ее помощница. Мое присутствие у плиты никогда особо не требовалось. Как только я стала жить отдель-

но, плита мне, в общем-то, тоже не потребовалась. Мама с первых дней снабжает меня завтраками, обедами и ужинами. Либо сама готовит и привозит, либо это делает Валя, та самая помощница по дому.

– Я переживаю за твой желудок, Майя.

– Мам, – вздыхаю, улыбаясь еще шире, – я точно не умру с голода и знаю все о правильном питании.

– Чашка кофе, яйцо и двадцать грамм сыра с утра? Не смеси!

– Ну ладно-ладно, сдаюсь. Вы когда точно прилетаете?

– Послезавтра в пять вечера уже должны быть в Москве. Так что вечером ждем дома.

– Я приеду. Как только на работе освобожусь, сразу к вам.

– Кстати, как работа?

– Отлично. Денис сказал, что я смогу в эти выходные остаться с ним на ночном дежурстве в отделе.

Денис – это следователь, к которому меня прикрепили. Мой непосредственный начальник сейчас. Капитан Морозов. Денис Валентинович. Но с самого первого дня мне сказали, что в отделе никто никому не выкает. Начальника отдела и всех его замов это, конечно, не касается.

– Выпросила все-таки, значит?

– Мне интересно.

– Ну хорошо. Новый опыт.

– Ага. Мам, я так устала что-то. Лягу поваляюсь, ладно?

– Давай. Целую.

– И я тебя. Пока.

Скидываю звонок и перекатываюсь набок, подтягивая колени к груди.

Изначально папа хотел пристроить меня на стажировку к Кириллу. Ну, не к Бушманову лично, конечно, а просто в управление собственной безопасности. Я же настояла на том, что хочу в самый обычный ОВД. Мы с папой на этот счет очень долго спорили, но в итоге он мне уступил. Пришлось поплакать и попричитать, что я хочу сама. Без его помощи. Что такой опыт будет куда полезней. И вообще, раз они дают мне выбор, я должна до конца делать его сама.

Поднимаюсь с дивана. Ловлю зевок в ладошку и уже хочу завернуть в спальню, когда в дверь звонят. По камерам понимаю, что это Вэл, и запускаю его в подъезд.

Внутри все как-то странно сжимается. Переступаю с ноги на ногу, крепко стискивая в ладонях свой телефон. Волнуюсь. Очень сильно волнуюсь.

Понимаю, прекрасно, почему, вот это чувство и гложет.

Вэл заходит в квартиру без звонка и стука. Знает, что я уже открыла дверь.

– Привет, – закидывает руку мне на плечо, тянет на себя и целует меня в губы.

– Привет, – упираюсь ладонями ему в грудь, поджав губы. – Не думала, что зайдешь.

– Я мимо проезжал, решил к тебе забежать. Как показ? Нормально все?

– А? Да, – часто киваю, наблюдая за тем, как Кудяков скидывает кроссовки.

Кажется, я сегодня была не готова с ним видаться. Со всем...

Пропускаю Вэла в гостиную и закрываю дверь на защелку. Это занимает всего несколько секунд и совсем не дает собраться мне с мыслями. Растираю свои плечи, совершаю глубокий вдох и, натянув на лицо улыбку, тоже направляюсь в гостиную.

Меня все еще держат мысли о встрече с Мейхером. Ну вот какого черта он снова появился в моей жизни? Зачем? Так не вовремя...

– Не хочешь на выходные стонять за город? – спрашивает Велий.

– На этих не могу.

– Почему?

– Напросилась на ночное дежурство.

– Зачем?

– Интересно, – жму плечами и отхожу к окну. Замираю там, рассматривая двор так пристально, словно никогда его не видела.

– Ладно, может, тогда вечером куда-нибудь сходим?

– Если честно, то нет настроения. Давай как-нибудь в другой раз.

– Что-то случилось?

Вэл оказывается у меня за спиной, его ладони ложатся на

мою талию.

Качаю головой в отрицании. Ну что я ему скажу? Что увидела Арса и будто во времени потерялась? Так неправильно. Нет, сказать нужно, но точно не сегодня. Я сама все это еще не переварила, зачем грузить этим и его?

Чувствую, как Вэл упирается подбородком мне в плечо, как он крепче сжимает меня в своих руках, и дышать не могу. Его тепло сковывает.

За все три года, что мы общаемся, мне никогда не было так трудно и неуютно рядом с ним.

Мы пересеклись через год после того, как уехал Арс.

Увидеть Вэла первого сентября моего второго курса, в моем же универе, было неожиданно.

Он тоже поступил на юрфак, что сильно меня удивило. Правда, чуть позже стало ясно почему. Первое: ректор нашего университета. Им оказался его дед. Второе: отец Кудякова – начальник городской полиции, а мать – чиновница, напрямую связанная с силовыми структурами. Поэтому на бумаге они в разводе. В реальности же живут вместе и очень любят друг друга. Третье: для Вэла уже давно готово место в теплом и светлом кабинете, куда он и засядет после окончания вуза.

Правда, пока я училась на первом курсе, Кудяков тусовался. Целых двенадцать месяцев после школы он отдыхал. Решил взять год перерыва от учебы. Так сильно устал за одиннадцать лет, видимо... Я потом еще не один семестр над ним

потешалась по этому поводу. Наверное, одна из сильных сторон Вэла – это то, что он вообще не обижается.

Было открытием, когда кто-то вроде Кудякова выдал мне как-то между пар, что человека нельзя обидеть. Человек может обидеться сам. И, как правило, сам выбирает, на что именно обижаться. Но, если посмотреть глобально, забить на чужое мнение, найти гармонию с самим собой и прокачать уверенность, обижаться будет просто не на что.

Я с ним тогда, конечно, спорила, а сейчас понимаю, что по большому счету, он прав. Просто тогда, на втором курсе, мои раны по Арсу еще кровоточили. Я злилась и была обижена на него, страшно обижена...

Вэл же появился в моей жизни как-то внезапно, и первое время исполнял роль шута. С ним было весело и не так больно. Мы много разговаривали, узнавали друг друга. Я плакала ему по Арсу, да, такое тоже было. Наверное, он оказался единственным человеком, который меня понимал. Он не осуждал, не говорил, что скоро станет легче, что я все забуду, он просто молчал и слушал.

Мы часто пересекались в городе. Под Новый год я помогала писать ему курсовую, он же помогал подтягивать мне нормативы по физкультуре. Как-то так вышло, что я не умею подтягиваться и плохо бегаю. Очень плохо бегаю, минут десять – и задыхаюсь.

Честно говоря, зима тогда выдалась трудной. Мы каждый вечер наматывали круги в спортзале. Бегали и бегали.

Да и вообще, мы с ним оказались очень похожи. Два сильно залюбленных родителями ребенка. Избалованные, не привыкшие к отказам. Только мои родители не доходили до сумасшествия со вседозволенностью. У нас дома всегда были правила, Вэлу же было позволено делать все, что ему заблагорассудится, просто потому, что он любимый ребенок. Ему все всегда прощалось. Правда, в какой-то момент перед поступлением ультиматум ему все же поставили. Пришлось выбирать: либо та жизнь, к которой он привык, со всеми вытекающими из нее плюшками, либо игры. Вэл, естественно, выбрал первое. С играми было покончено.

Я до сих пор не знаю, как так вышло, что в моменте мы сблизились. Сблизились настолько, что проводили вместе практически все свободное время. Постоянно были в переписке, на телефоне часами висели, если не рядом были. В какой-то момент Вэл заменил мне всех друзей и подруг. Нет, я продолжаю общаться с Сашей (она первое время обижалась, что я с Вэлом теперь, потом вроде успокоилась) и девочками из группы, у меня есть хорошая знакомая на работе уже, да и от парней внимания мне хватает. Всегда хватало. Просто с Вэлом как-то иначе все, не нужно притворяться, не нужно улыбаться, когда не хочется, и главное – не нужно делать вид, что мое сердце не было разбито.

Он все знает и понимает. Он был свидетелем многих событий, и перед ним не нужно объясняться. Никогда.

Мы дружим уже три года, а последние восемь месяцев

встречаемся. В какой-то момент было важно перейти на новый уровень просто потому, что жизнь продолжается. Я не могу ждать Арса вечно. Я не могу страдать по нему вечно. Я молодая, красивая, я достойна быть любимой и счастливой. Мне периодически больно, я многое помню из нашего с Мейхером прошлого, но вся трагедия в том, что он уже давно обо мне забыл.

Он на весь мир заявил, что я ему больше не нужна. Да и была ли когда-то нужна, я уже не знаю.

До сегодняшнего дня я вообще думала, что мы с Мейхером никогда больше не встретимся. Я никогда больше не увижу его перед собой вживую, не услышу его голос, все это останется только в моей памяти. Будет красивым, но немного болючим воспоминанием о первой любви, о которой, возможно, я когда-нибудь расскажу своим детям.

– Рассказывай, – шепчет Вэл мне на ухо.

Вздрагиваю от его голоса, потому что крепко задумалась. Сжимаюсь вся, а он продолжает:

– Я чувствую, когда ты врешь, Май. Что-то точно случилось.

Что-то случилось?

Да! Случилось! Случилось!

Хочется кричать это так громко, как только можно, но я молчу.

Случилось...

Стискиваю зубы, а потом закусываю нижнюю губу до бо-

ли. Едкой, почти отрезвляющей.

Твой друг, точнее, уже просто человек из нашего прошлого, вернулся.

Он вернулся, и я не могу выдохнуть вот уже несколько часов. Ровно с момента, как его увидела.

Он вернулся, и это самое возвращение не предвещает мне ничего хорошего. Я видела его глаза, я видела, как он смотрит, как разговаривает со мной. Он здесь не с миром. Он явно что-то задумал. Я это чувствую.

Арс ничего не отпустил. Он до сих пор злится. До сих пор меня ненавидит. Он меня, а я его. Так сильно его ненавижу просто потому, что он не поверил мне тогда.

Боже, как же комично. Мы расстались, потому что и в прошлом друг другу не доверяли. Любили, но не понимали, как эту самую любовь сохранить. А потом, потом появился этот аноним.

Человек, личность которого никто так и не выяснил. Да и не выяснял. Мы все были заложниками личной драмы.

Все же началось с тех гадких сообщений. Сначала Мейхеру, как потом выяснилось, а позже мне. Анонимных сообщений.

Так я узнала, что наши с Арсом отношения начались со спора, он спорил на меня, а вечерами, когда я сидела дома, тусовался. Фото с этих тусовок отправили мне сообщением в тот роковой день. В день, когда все закончилось.

Я психанула.

Мы ведь с Арсом буквально несколько часов назад расставили все точки над «і» по поводу того спора. Я поверила ему. Поверила в то, что он от него отказался. Отказался сразу, как понял, что влюбился. Он влюбился. По-настоящему. Искренне. Я это знала. Чувствовала. Со мной он был другим.

Я поверила ему, а потом получила те фото. Их были десятки. Из стриптиз-клуба, ночных клубов, баров, с тех самых гадких игр. О, эти игры! Адреналиновая забава на грани с издевательствами. Развлечение богатых деток. Толпа сумасшедших, с азартом принимающая участие в жутких испытаниях.

Было больно осознавать, что ночами, все время, пока мы встречались, у Арса была другая жизнь. Привычная ему, яркая, пошлая, адреналиновая, местами жестокая. Он врал мне в глаза, желал спокойной ночи и говорил, что едет спать домой, а сам...

Когда я все узнала, психанула. Состояние было на грани жизни и смерти. Я не могла поверить, что это правда, но доказательства были налицо. Я не хотела, чтобы все, что между нами было, закончилось, но по-другому, кажется, уже быть не могло.

Я так злилась, а Арс звонил. Я не брала трубку, но и быть одна не могла. Думала с ума сойду от тишины в доме. Сорвалась в клуб к подруге, там пересеклась с Вэлом.

Не знаю, что мною двигало в ту ночь, наверное, страх остаться одной лицом к лицу с этой болью. С этой жуткой

правдой. Именно поэтому я оказалась в квартире Кудякова, который убеждал меня, что эти фотки ничего не значат. Убеждал, что Арс ни с кем мне не изменял, убеждал, что мне просто нужно спокойно с ним все обсудить. Уверял, что мы с Арсом справимся.

Он так уверенно говорил... Это успокаивало.

Вэл уступил мне свою спальню той ночью, сам же завалялся на диване в гостиной. Арс приехал под утро. Взбешенный и уже не желающий ничего слышать. У него был такой взгляд... Страшный. Нечеловеческий какой-то.

Он был уверен, что я переспала с его другом. Это обидело до глубины души. Он ведь был так уверен в этом, что таким образом будто назвал меня шлюхой.

Его ничего не смутило. Его бурный полет фантазии даже не остановил тот факт, что ровно две недели назад в моей жизни в принципе случился первый секс. Секс с ним. С Мейхером.

Он кричал, хватал меня за руки, а я, я просто не видела смысла оправдываться.

Батарейки сели, душа умерла, и все, на что у меня хватило сил, это сказать ему, что не люблю. Что я больше его не люблю.

А как можно любить человека, который в приступе ярости схватил тебя за горло? Который кричал и не хотел ничего слышать?

Я просто хотела, чтобы все это кончилось. Я не вывозила

его ярость. Его обвинения. Его ненависть. Они меня на куски рвали. Слишком больно. Сердце кровоточило, но Арс в порыве своего гнева этого уже не видел.

Сглатываю скопившийся в горле ком из этих самых воспоминаний и чувствую, как по щеке катится слеза. Я возвращаюсь в реальность. Возвращаюсь из прошлого в свою квартиру.

Вэл все это видит. Мои глаза, красные от слез, мокрые щеки. Притягивает к себе, обнимает. Он ничего не понимает сейчас, а я не могу объяснить. Язык немеет, а скулы сводит от той боли из прошлого.

Почему? Почему после всего, что было? После этих четырех лет мне до сих пор кажется, что я люблю Мейхера? Ненавижу. Люто. Дико. Но в глубине души продолжаю любить. Как такое возможно?

Это проклятие какое-то?!

– Май? Майя, – Вэл обхватывает мои щеки ладонями. – Ты чего? Все же хорошо. Слышишь?

Он улыбается, успокаивает меня. Вижу, что волнуется, нервничает даже, потому что ни черта не понимает. А я, я веду себя по-скотски. Вру ему, выходит, и трушу. Трушу все рассказать.

– Прости, – обнимаю в ответ, хватаюсь за него, как за спасательный круг. Как за безопасный жилет, что спасет от боли. Раньше ведь помогало.

А теперь? Почему сегодня не срабатывает?

– Прости меня, пожалуйста, – скулю ему в щеку.

– За что? Майя? Ну ты чего? За что мне тебя прощать?

– За все, за все, – всхлипываю.

Вэл немного давит на мои щеки, отстраняется на немножко. Смотрит в глаза, а потом целует меня. Его язык проникает в мой рот и кажется холодным. Так бывает вообще?

Он целует, как и всегда это делает. Только сегодня никаких приятных ощущений я не испытываю. Лишь панику.

Панику, граничащую с ужасом.

Велий гладит меня по спине, волосам, рисует дорожку поцелуев на щеке, шее, подбородке. Обнимает крепко-крепко. Прижимает мою голову к своей груди и часто дышит. Он тоже на панике. У него сердце как отбойный молоток сейчас. Я слышу.

Стискиваю в кулаки ткань его кофты на спине, тычусь носом в его твердую грудь и лишь сильнее заливаюсь слезами.

Что мне теперь со всем этим делать?

Как дальше жить?

Глава 4

Арсений

Восемь утра. Отвожу взгляд от циферблата часов на своем запястье и ловлю зевок в кулак. Приехать на работу вовремя, после ночного загула, проснувшись при этом у какой-то телки, нехилое такое достижение.

Башка трещит адски. Если мне не изменяет память, вчера я влил в себя минимум половину бара на Патриках. Понятия не имею, как вообще там оказался. Квартира Марата находится сильно в другой стороне...

Накрыло. После встречи с Майей и правда захотелось нажраться. Притупить эмоции.

Теперь, после того как я ее увидел, информация о том, что она с Вэлом, воспринимается иначе. Кожа горит от одной только мысли, что он ее...

Блядь. Просто блядь. Не она. А так, глобально.

Четыре года прошло. По всем параметрам, я не должен реагировать. Но тем не менее кроет. Сильно. Мозг, в своем трезвом состоянии, только и может думать, что о Панкратовой. Вчера проскользнула шальная мысль, а что, если она вот-вот станет Кудяковой? Насколько далеко у них все зашло? Кажется, после этой вот мысли я залил в себя восемь уже лишних на тот момент шотов.

Тянусь за бутылкой минералки и откидываюсь на спинку кресла, отъезжая от стола где-то на полметра. Прикрываю веки буквально на секунду и слышу, как открывается дверь.

Отец заходит в мой кабинет без стука. Хотя в его жизни в принципе не так уж много дверей, в которые нужно стучать.

– Проветри, – басит он где-то поблизости. – Перегаром несет на весь этаж.

Приоткрываю один глаз, сворачивая крышку с бутылки, и делаю несколько жадных глотков.

Отец выдвигает для себя стул, ослабляет галстук и садится напротив.

– Ты же знаешь, что меня оповещают, если с моих счетов, – делает акцент на последних словах, – списываются деньги. Например, когда кто-то решает арендовать остров на все выходные.

– И? – жестко туплю. Осеняет спустя полминуты. Раздраженно барабаню пальцами по столу. Да, я снова, как уже было не раз, отдал Марату одну из своих карт...

– Ты у нас вроде никуда не собирался.

– Не собираюсь.

Всасываю остатки воды, опустошая пол-литровую бутылку минералки за пару минут.

– Ты вчера был у Марата?

– Я вроде этого и не скрываю. Это тупо, знаешь ли, когда едешь с охраной.

– Арсений, я уже бесчисленное количество раз говорил,

что не собираюсь содержать эту меркантильную суку. Пока он на ней женат, к моим деньгам, твоему братцу доступ закрыт.

В последние годы отец и правда перекрыл Маратику доступ к деньгам. Даже вычеркнул его из завещания. И все из-за этой Таи.

– Слушай, у них там треш какой-то. Он все бабло спустил на тачку, просто по нулям теперь, – тру переносицу. Головная боль только усиливается. Ощущение, будто кто-то долбит молотком прямо по вискам. – Жрать на что-то нужно же...

– На частном острове, судя по всему. Ну да, там куда лучше кормят.

– Я просто хотел помочь.

– Без тебя помогут. Ты через час где должен быть?

– Я помню про встречу с Азариным. Уже выезжаю.

– Ага, я вижу. Ты, когда в это кресло сел, что мне обещал? Помнишь?

– Помню, – киваю. – Ты здесь царь и бог. Если я тебя дискредитирую, как-то опозорю перед партнерами или конкурентами, поеду работать на комбинат в Сибирь.

– И?

– Что? – поднимаюсь, поправляя рубашку.

Отец прищуривается и бросает на стол несколько фоток. Там я, собственно, в баре, с какой-то девкой, бухой в ноль, пью на брудершафт.

– Служба безопасности изъяла, что смогла. Продолжают мониторить, в каком еще сетевом гадюшнике тебя выбросят. Ты теперь часть «МетМеха», никаких пьянок на публике, никаких левых телок. Хочешь бухать и трахаться, включай голову. Понял меня?

– Понял, Дмитрий Викторович.

Киваю и снова смотрю на фотки. За четыре года жизни в Америке я не только бухал, трахал все, что движется, и тусовался. Как-то так вышло, что при наличии уехавшей крыши учебу я не забросил. Наоборот, жилы был готов рвать над пресловутым гранитом науки.

Я знал, что в конце концов вернусь домой, знал, что лет через десять-пятнадцать сяду в отцовское кресло. Несмотря на не самые дружелюбные с ним отношения, я всегда был заинтересован тем, что он делает.

Мне импонирует сосредоточение в собственных руках большой власти. Для адреналинового наркомана нет ничего лучше, чем быть частью этой системы. Это восхищает. Всегда восхищало.

Мой отец совсем не рядовой бизнесмен. Он чувак из высшего эшелона, состояние которого оценивают в десятки миллиардов долларов. Его трижды называли самым богатым человеком в стране.

Дмитрий Мейхер – владелец и президент одной из крупнейших в стране управляющей компании «МетМех». В эту систему управления входят акции металлургического ком-

бината, судоходной компании, банка, футбольного клуба... Собственные виноградники, винодельня, горнолыжка... Ну и еще куча всего по мелочи.

Мой отец живет очень закрытой жизнью. Практически не посещает никакие мероприятия, мало общается с прессой, он тот человек, которого, если вдруг увидишь в толпе, в жизни не подумаешь, что он подарил своей жене яхту.

Максимум охраны, минимум лишних людей. Для передвижения только собственный самолет, для отдыха – только частные острова. Он, если выбирается куда-то пожрать, полностью закрывает под себя ресторан.

От меня теперь требует того же. Никаких скандалов, никаких компрометирующих поступков, все за закрытыми дверями.

Раньше я бы послал отца с такими загонами. Раньше я в принципе делал что хотел, но с одной поправкой: бизнеса это не касалось. Я был просто шизанутым подростком, зажавшимся мажором, за которым, если нужно, подчищали. Один из многих.

Теперь же я часть компании. И если я хочу таковым оставаться, нужно следовать правилам.

Забавно, но мои амбиции оказались сильнее внутреннего протеста и злости на отца. Разве в восемнадцать, в пылу скандала на весь дом, когда он бегал за мной с ремнем в руках, мог бы я подумать, что в двадцать два мне придется склонить перед ним голову...

Из офиса выхожу на легком нервяке. Подгорает от ситуации с Маратом. Какого хрена? Какой, блин, остров? Они там совсем двинулись вместе с этой Таей?!

Сажусь в тачку, достаю телефон, набираю брата. Водитель тем временем выезжает с парковки.

Маратик отвечает раза с третьего.

– Ты охренел!

Взрываюсь сразу, как только слышу его: «Доброе утро» – сонным голосом.

– Не ори.

– Не орать? Отец уже с утра весь мозг выжрал. Ты меня подставляешь. Какой, на хер, остров? Купил мясо, угли и пи*дуйте за город. Пруд найдете, будут вам Мальдивы.

– Слушай, так вышло. Меня этот месяц просто в мясо размотал. Всего пару дней отпуска и...

– За мой счет?

– Арс, Тайка тоже устала, сутками с Васькой. Два дня всего.

– На острове, сука. На частном острове. Башкой думай.

Марат чем-то шелестит, и это дико раздражает. В принципе, как и голос на заднем фоне. Голос его жены.

– Марат, кто там? Что случилось?

– Все нормально, Тай. Это Арс.

– Что ему опять от нас надо? Сколько можно уже?!

– Арс, я ...

– Иди на *уй, – сбрасываю звонок и откидываюсь на подголовник, нервно постукивая носком ботинка по полу.

Устал он...

Закрываю глаза, пытаюсь хоть как-то структурировать все, что происходит с Маратом. Я, конечно, на святошу не тяну, вот вообще ни разу. И бабла трачу овердофига, но не последние же!

Куда он, бл*дь катится? Это она на него так влияет? Хотя, судя по сегодняшнему разговору, он и сам не против кутить, не думая о последствиях.

Полтора года назад он проснулся знаменитым. Снялся в сериале, и поперло, все у него тогда отсосали...

У него поперло, а он до сих пор все просирает. Бабло подчистую спускает, несколько съемок сорвал, это уже мать рассказывала. Оказывается, Маратик у нас звезду словил. Все ему не так, как Его Величество заслуживает, и это пока я, как самый настоящий долбодятел, башляю ему бабло и, заткнув рот, ломая себя, пашу на отца. Зае*ись!

Раньше же все было по-другому. Мы с детства вместе. С детства не разлей вода. Даже не ругались почти. Доверяли, всем друг с другом делились, а потом у него появилась эта Тая, и все исчезло.

Марат закрылся, свалил из дома, то, что она позарилась на его бабки, слушать не хотел, посылал меня, а теперь эти самые бабки у меня и просит, потому что отец уже давно перекрыл ему финансовый кислород.

В детстве явно было лучше.

– Арсений Дмитриевич, мы на месте, – сообщает водитель.

Бросаю взгляд в окно. Мы точно туда приехали? Спальный район, какой-то непонятный ресторан, больше похожий на забегаловку, с максимально убогой вывеской.

М-да, у Азарина явно специфические вкусы. А чуваку всего-то тридцать три.

– Миш, тут меня подожди, – вылезаю из тачки и взбегаю по ступенькам. На входе, естественно, никто не встречает. Захожу в зал, сканирую глазами помещение. Азарин сидит в дальнем углу, чет жрет.

Кишечную палочку захотел, что ли?

Двигаюсь между столиков. Забавно, но, даже если бы я не знал, как он выглядит, сразу бы понял, что это он. Выделяется. Не столько шмотками, сколько неторопливостью. Ну и котлами за несколько лямов.

– Здравствуйте, Тимофей Сергеевич, – выдвигаю себе стул и протягиваю ладонь. – Арсений.

(Прим. автора: Тимофей Азарин – герой книги «Мой худший друг» и «Забыть тебя невозможно»)

Снова осматриваюсь. Странный выбор места. Внутри это похоже на столовку. Радует, что чисто. У Азарина какой-то фетиш на подобные места?

Пожимаем друг другу руки. Сажусь, и мне сразу приносят меню. Бросаю на папку незаинтересованный взгляд. Для

приличия беру чашку кофе.

Откровенно говоря, поймать Азарина сложно, поэтому, если бы он предложил пересечься на свалке, я бы и туда поехал. Отец очень в нем заинтересован. Чувак если не гений, то мегамозг точно. Говорить о каких-то серьезных встречах и переговорах еще рано, но изложить суть наших интересов необходимо. Поэтому я что-то вроде живого аудиосообщения.

– Спасибо, что нашли время.

– Дмитрий Викторович сразу решил обозначить серьезность своих намерений, если передо мной сидит его сын.

Азарин ухмыляется. Встречаемся взглядами.

Ну, или папе просто в кайф отправлять меня в такую рань хрен пойми куда. Еще и на встречу с человеком, понять которого не очень-то и легко. Все это знают.

– Я, скорее, голосовое сообщение из крови и плоти, – жму плечами.

– Знаем, проходили такое, – Азарин кивает. Если прищуриться, можно даже заметить наметившуюся на его лице улыбку. – Рассказывай.

– Отца... То есть... – Запинаюсь, нахмутив брови. Никак не привыкну называть его по имени-отчеству. Гадство. – Дмитрия Викторовича интересует ваша интеллектуальная система управления и программное обеспечение, он готов организовать для «Либерти» дополнительное финансирование госмасштаба.

– И? – Азарин приподнимает бровь.

– И купить пять процентов акций вашей компании.

Несколько раз киваю, будто бы для большей убедительности своих же слов.

Эта странная встреча в каком-то непонятном ресторане, чуть ли не на отшибе, с самого начала выглядит так, будто договориться хоть о чем-то будет нереально. Да и выгодно ли вообще? Отец уверен, что да. У него чуйка на такие вещи, бесспорно, да и сам я, естественно, уже выяснял, кто такой Азарин.

«Либерти» создал еще его отец, но последние несколько лет все вопросы по компании решает Тимофей.

– Продолжай. Я слушаю.

Азарин тянется к своей чашке кофе и берет щипцы для сахара.

– Мы считаем, что для «Либерти» будет выгодно войти в систему «МетМеха».

– Аргументы?

– Это новый уровень. Колоссальная поддержка во всем. Полностью развязанные руки, ну и решение всех возникающих у вас проблем.

– Контроль и подчинение, в общем.

– Возможности.

– У меня и так их хватает, – Азарин снова улыбается. – Заманчиво на самом деле. Чуть позже я свяжусь с Дмитрием Викторовичем лично.

– Окей, – киваю. – Вопрос можно?

– Валяй.

– Что за странное место?

– Видишь, – Азарин кивает на окно. – Там через дорогу больница. В ней работает моя жена. Она часто тут обедает. Так что не бойся, не отравишься.

– Все же воздержусь. До свидания.

Азарин кивает, я же поднимаюсь и вижу в проходе идущую к нам блондинку. Уже на выходе из зала замечаю, как она обнимает Тимофея и садится на стул, на котором полминуты назад сидел я.

Жена, судя по всему. Любовниц по таким местам точно не таскают.

Мысли сразу сводятся к Майе. Помню, как она угорала надо мной, уплетая френч-дог на заправке.

– Ты серьезно будешь это есть? – спрашиваю, а она только кивает. Улыбается и кивает. У меня же эта сосиска в тесте не вызывает доверия. Совсем.

– Хочешь? – мычит с набитым ртом и протягивает мне эту дурацкую булку.

– Только не говори, что ты никогда не ел на заправке! – демонстративно округляет глаза и хохочет. Весело ей.

– Ты с какой-то другой планеты? Все, блин, ели, и один Арсений Мейхер – нет.

Она тогда угадала. Не ел. Правда, в тот вечер все же зажевал у нее половину этой булки, не обращая внимания на

ее возмущения.

Смешная...

И хорошая. Очень хорошая.

Я ей не подходил, но пытался это отрицать. Наверное, в глубине души я тогда хотел, чтобы все вот так закончилось. Хотел показать ей свое истинное лицо. Дать понять, что я притворяюсь тем милым и понимающим мальчиком, которого она видит рядом с собой. Настоящего меня она бы тогда не приняла.

А сейчас? А сейчас я не могу перестать о ней думать. И это гложет. А еще подталкивает к конкретным действиям.

Забираюсь в тачку и, откинувшись на спинку, звоню начальнику СБ.

– Я хочу знать все о Майе Панкратовой. Абсолютно все.

Глава 5

Майя

– Ну что, поздравляю тебя, лейтенант Панкратова. Полковник все подписал, с сегодняшнего дня вступаешь в должность.

Улыбаюсь, хоть и волнуюсь дико. Нет, вокруг-то все привычно, а вот внутри, у меня в душе, все содрогается. Не верится даже. Я следователь. Настоящий. После семи месяцев стажировки... Ох.

– Спасибо, Александр Игоревич, – благодарю начальника следственного отдела. – Я как раз на днях утвердила индивидуальный график посещений в универе. Проблем не возникнет.

– Точно, ты же у нас магистратуру еще заканчиваешь. Учти, поблажек после вступления в должность не будет.

– Я знаю и ко всему готова.

– Ну тогда иди получать удостоверение.

Это я, собственно, и делаю: забираю удостоверение, а по дороге на обед звоню маме и рассказываю, что я больше не стажер. Знаю, что родители очень волнуются и в глубине души мой выбор места работы не одобряют, но, несмотря на все это, мама меня хвалит, радуется и поддерживает.

Потуже заворачиваюсь в пиджак. Сентябрь в этом году

теплый, но сегодня совсем не солнечно, да и ветер такой, что с дороги сносит. Стоило взять из дома куртку или пальто. Радует, что до кафешки, где я обычно обедаю, пешком не больше восьми минут.

Захожу внутрь, чувствуя, как от ветра горят уши. Здравуюсь с администратором и занимаю свободный столик практически в центре зала. Осматриваюсь. Вроде все как всегда, но будто что-то не то все равно. Какое-то странное и, можно даже сказать, нехорошее предчувствие, ну а когда на горизонте появляется Мейхер, все встает на свои места.

К этому моменту официантка уже успела принести мне бизнес-ланч.

Мейхер тем временем приближается. Весь в черном. Брюки, рубашка, пиджак. Весь деловой и абсолютно не вписывающийся в обстановку этого места. Только сейчас понимаю, что по дороге сюда видела две одинаковые и неприлично дорогие, стоящие друг за другом машины.

– Я присяду?!

Арсений, конечно, не спрашивает, просто ставит перед фактом и выдвигает для себя стул.

С его появлением салат, который я уже успела дожевать, вот-вот встанет поперек горла. Тяну воздух носом, глотаю, крепко сжимая руку в кулак. Его близость нервирует.

– Чего тебе нужно?

Откладываю вилку в сторону. Смотрю на него. Глаза в глаза, а у самой нога под столом начинает подергиваться.

Я не столько волнуюсь, сколько злюсь. Зачем он пришел? Я его не звала. Видеться с ним не хотела. Он не имеет права вот так заявляться. Не имеет права делать вид, что между нами сохранились хоть какие-то отношения.

Я же последние дни только и делала, что успокаивалась. Пыталась забыть о том, что видела его. Чуть с Вэлом не поругалась. Нет, про Арса я ему так до сих пор и не сказала, просто он уже несколько дней хочет остаться у меня на ночь, а я, я морожусь. Придумываю все новые и новые отговорки...

– Поговорить. Я хочу с тобой пообщаться.

– О чем? – Закидываю ногу на ногу, жестче упираясь пяткой в пол.

– Как твои дела, Майя?

– Ты серьезно? – не могу сдержать улыбку. Он издевается сейчас? Прижимаюсь плотнее к спинке стула и складываю руки на груди.

– Вполне.

– Отлично. Это все?

Мейхер с едва заметной улыбкой качает головой, мол, нет, не все. Бросает взгляд на мой салат, кладет раскрытую ладонь на стол, разгибая до конца локоть. Принимает максимально расслабленную позу.

Уголки его губ заостряются. Ну отлично, хоть кому-то из нас весело!

– Как поживает наш общий друг? – снова ухмыляется. – Я слышал, что вы с Кудяковым встречаетесь.

– Ты приехал, чтобы у меня лично узнать? Да, мы встречаемся. У нас все прекрасно.

– Любовь-морковь, получается?

– Именно.

– Рад за него.

Арс склоняет голову вбок, прищуривается и продолжает:

– А вот за тебя не очень. Деньги за цацки, надеюсь, он тебе вернул? У тебя тогда в парке сняли, помнишь? Не без участия Вэла. Это же он ту гопоту нанял.

Да уж, инцидент был дурацкий. Мейхера тогда отлупили, ну а я, чтобы те хулиганы прекратили его бить, отдала им все свои украшения, которые были на мне надеты. С тех пор терпеть не могу прогулки в парке.

То, что Вэл был к этому причастен, я знаю. Он сам мне рассказал. Три года назад. Мы тогда просто дружили еще...

В общем-то, целью был Арс, не я. Если бы я не героировала, никто бы с меня ничего не снял и не тронул.

– Я в курсе. Если ты ехал через весь город, чтобы рассказать о случившемся четыре года назад... В общем, это странно, Арсений. У тебя все? Хотелось бы успеть поесть, пока не кончился обед.

– Ешь. Я тебе мешаю как-то?

– Скорее, раздражаешь и не выполняешь свои обещания.

– Это какие?

– Никогда больше меня не видеть. Сам просил, а теперь вот сидишь передо мной. Анна в курсе, что ты тут оши-

ваешься? Хотя тебе, скорее всего, плевать на ее чувства. Страшно представить, по каким блядушникам ты зависишь ночами, – вздыхаю.

Мейхер улыбается шире. Такое впечатление, будто бы сейчас вот-вот заржет. Это раздражает. Нет, это так бесит, что хочется надеть ему на голову тарелку с салатом.

– Я не так говорил. Ты же следовательно, а формулировки максимально неточные.

– Боже, Мейхер, свали отсюда, – шиплю на него сквозь зубы. – Я не знаю и не понимаю, чего ты хочешь, но...

– Естественно, трахнуть тебя.

– ...но... – моргаю и замолкаю.

Мне сейчас не послышалось? Он сказал, что...

Во рту собирается вязкая слюна, а небо при этом остается сухим. Очень хочется попить. Смотрю на свой стакан воды, но вытянуть руку не решаюсь. Я все еще в шоке.

Пока пытаюсь найти слова, Арс берет этот самый стакан и подает мне все с той же гаденькой улыбкой.

– Пошутил. Не реагируй так остро. Покраснела вся. Ты же взрослая девочка, Майя. Еще и следовательно. С сегодняшнего дня, прав? Вот заехал поздравить со вступлением в должность.

Мейхер вытягивает руку вверх, щелкает пальцами. Мужчина, сидящий неподалеку, поднимается на ноги из-за столика, берет букет, лежащий на соседнем стуле, и приносит его Арсу.

Розы. Бледно-розовые розы.

Он следит за мной? Я сама только пару часов назад узнала.

– Поздравляю, – Мейхер взваливает букет на наш стол.

– Девушке своей подари, придурок!

Резче, чем хотелось, вскакиваю со стула и быстрым шагом направляюсь к двери. Боковым зрением замечаю, как из-за стола поднимается мужчина, но, бросив взгляд в сторону Арса, садится обратно.

Придурок! Самый настоящий.

Только вот встреча на этом не заканчивается. Вечером Мейхер заявляется в отдел с заявлением о краже. Его якобы ограбили, тут, неподалеку. Ага, с наличием двух-то машин охраны, о которых он, естественно, умалчивает.

Причем действует Арс через начальника следствия.

Реагирую на звук распахивающейся двери и отрываю взгляд от экрана компьютера.

Подполковник торопливо переступает порог, обшаривает глазами помещение, недовольно поджимая губы. Медленно поднимаюсь на ноги, сцепляя пальцы в замок перед собой.

Вообще, наш Семёнов – нормальный мужик, вспыльчивый, правда. Взрывается по поводу и без. Вот как сейчас. По его покрасневшему лицу видно, что цунами словесного поноса уже на подходе.

– Морозов где?

– Домой уехал.

– Он охренел?

Смотрю на часы. Время как бы позволяет. Рабочий день уже закончился, происшествий не было, да и дежурит сегодня не Денис. Это я решила немного задержаться, разгребая документацию.

– Рабочий день закончился и...

– Ваш рабочий день заканчивается тогда, когда я скажу, Панкратова. У меня заявитель там, – кивает на распахнутую дверь. – У него посреди улицы телефон отжали и деньги. А он, между прочим, серьезный человек. Фамилия Мейхер тебе о чем-то говорит? – пыхтит Александр Игоревич.

– Мейхер? – моргаю. Не может такого быть. Ну нет же!

– Он самый. Теперь оцени масштаб и представь, что со всеми нами здесь будет, если он... – Семёнов взмахивает рукой. – Так, ладно, примешь заявление и передай Морозову, чтобы завтра ко мне зашел. Обсудим с ним его рабочее время.

Киваю.

Подполковник выходит и напоследок громко хлопает дверью. Так, что я аж вздрагиваю.

Тяну носом воздух, убираю волосы за уши и медленно опускаюсь в кресло. Просто прекрасно. Вот он и первый день в должности...

Мейхер? Seriously? Может, это однофамилец или ошибка какая-то? Или Марат? Да, точно, есть же еще и Марат. Боже, ну что я выдумываю? Знаю же прекрасно, что это Арс. Ну почему он никак не уймется?!

После всего, что сегодня произошло в кафе, у меня до сих пор руки чешутся волосы ему повыдергивать. Нужно было взять тот дурацкий букет, он бы сейчас очень пригодился, чтобы отмахиваться от этой нечисти.

Быстро убираю папки в ящик стола, завязываю волосы в хвост и застегиваю пуговицы на рубашке почти до подбородка. Когда дверь снова распахивается, пересиливаю себя, чтобы никак не выдать свое замешательство.

– Здравствуйте, присаживайтесь, – указываю на стул по другую сторону моего стола. – Александр Игоревич сказал, вас обокрали и вы хотите написать заявление? Меня зовут Майя Андреевна.

Веду себя так, как бы вела с любым другим человеком.

Арс едва заметно улыбается на моих последних словах. Осматривается. Садиться не спешит. Сунув руки в карманы, проходит по кабинету, не без интереса все здесь разглядывая, и только потом отодвигает для себя стул.

– Очень хочу, – кивает, впиваясь в меня глазами.

– Хорошо. Вот вам листок, вот ручка. – Достая все это добро из ящика и протягиваю Мейхеру. – Пишите.

– Что писать?

– Где вас ограбили, что взяли, как выглядели потенциальные преступники...

– Форма для заполнения какая-то есть?

Тяну воздух, стиснув зубы. Он открыто издевается надо мной. Не улыбается, но я по глазам вижу, насколько ему ве-

село. Ну да, у меня же других дел нет, кроме как принимать вот такие идиотские заявления о несуществующей краже.

– В произвольной пишите.

Все же скрывать раздражение получается плохо.

– Окей.

– Где же ваша охрана была, когда вас грабили? – прищуриваюсь.

– Я решил прогуляться пешком. Один.

– В нашем районе?

– Ага. В вашем, – поддакивает, вырисовывая на листе свою размашистую подпись, и подталкивает его обратно мне.

Читаю.

– Так, в парке, двое... Пятьдесят тысяч рублей, телефон. Марку телефона нужно указать, – бормочу себе под нос. –

Это все?

– Нужно что-то еще?

– Ну, может, вас били, например, – сдерживаю ухмылку.

– Не били.

– Очень жаль, – вздыхаю. – Ладно, будем работать с тем, что есть. Заявление я приняла, можете пока быть свободны.

– Это все?

– Парада и фанфар в вашу честь не будет, господин Мейхер.

– Ладно, товарищ следователь, я это как-нибудь переживу, – Арс ухмыляется, снова смотрит на меня. Внимательно так, что становится не по себе. Еще немного, и мои щеки

воспламенятся. – У тебя серьга расстегнулась, – произносит чуть тише и уже без улыбки.

Хватаюсь подушечками пальцев за мочку уха. И правда расстегнулась.

– Спасибо, – быстро застегиваю сережку и отвожу взгляд. – Что-то еще?

– Ваш подполковник сказал, что здесь работают очень тактичные и на лету схватывающие люди. Врал, получается? Никакой тактичности и сочувствия, Майя Андреевна.

Арс растягивает губы в гадкой ухмылке, упираясь локтем в мой стол и подаваясь чуть вперед. Бродит взглядом по моему профилю. Чувствую это очень остро и никак не могу взять себя в руки. Я ведь, кроме истерики, ничего сейчас закатить не могу, а должна быть холодной и рациональной. Черт!

– Ты понимаешь, сколько здесь работы? – спрашиваю, все же взглянув в его наглые глаза. – Хотя бы представляешь, сколько дел ведет один следователь вот такого вот ОВД? Это не весело и не смешно – придумывать какое-то дурацкое ограбление, поднимать всех на уши... Еще и через Семёнова... У людей полно работы. А ты занимаешься какой-то ерундой. Устроил тут детский сад и веселишься. Повзрослей уже, наконец! – выдаю практически на одном дыхании, без запинок.

Хочу его пристыдить, но затея глупая, конечно. Мейхер никак не реагирует. Ничего нигде у него не екает. Все то же

безразличное к чужим проблемам лицо.

– Права во всем, кроме одного.

– Например?

Арс закидывает ногу на ногу, достает пачку сигарет, зажигалку.

– Можно? – смотрит на пепельницу.

Ну да, Денис курит в кабинете. Я первое время вешалась от этого запаха, хоть и выходила, когда он дымил. Но проблема в том, что тут все табаком пропахло. Сейчас, конечно, привыкла уже, так остро не воспринимаю.

– Пожалуйста.

– Спасибо. – Зажимает сигарету между зубами. Прикуривает. – Мне нужен повод тебя видеть. – Выдыхает дым в сторону. – Официально. Теперь он у меня есть, и ничего сделать ты с этим не сможешь.

– Зачем? Все закончено, ничего не вернуть, понимаешь?

– Понимаю. – Затягивается. – Только почему ты так реагируешь тогда, не понимаю. Если закончено.

– Это не твое дело. Как хочу, так и реагирую. А если думаешь, что я не найду на тебя управу, сильно ошибаешься!

– Не нужно со мной воевать, Майя. Проиграешь.

Арс подмигивает, вдавливая сигарету в пепельницу и поднимается на ноги, огибая стол. Останавливается у меня за спиной, опираясь ладонями в мои плечи. А я, я пошевелиться не могу. Ступор. Гадкое состояние. Паника предельная внутри, а внешне от макушки до пяток парализова-

ло.

– Если ты пообещаешь встретиться со мной, например, в эти выходные. В ресторане-то я, конечно же, прикрою весь этот цирк, – ведет подбородком в сторону лежащего на столе заявления.

– А если нет? – сглатываю и запрокидываю голову, все же переборов свое онемение.

– Продолжим общение как следователь и потерпевший, – жмет плечами. – Меня вполне устраивает, – переходит на шепот, склонившись к моему лицу. – А вообще, я очень рад тебя видеть, – произносит в мои губы. – Был дурак, признаю, – обхватывает ладонью мою щеку, а потом целует.

Он целует, а я захлебываюсь!

Захлебываюсь его вкусом, запахом, напором, эмоциями, которые лишь усугубляют мой паралич. Ступор, который Мейхер принимает за согласие. Трогает меня. По-прежнему нависает надо мной, целует все с тем же напором, но теперь еще подключив руки.

Я не хочу.

Не хочу этих поцелуев, прикосновений.

Я его не хочу!

А он все трогает.

Трогает. Трогает. Трогает.

Шею, плечи, грудь. Талию. Снова грудь. Дергает ворот моей рубашки, срывая этим действием несколько пуговиц, и проскальзывает ладонью под темный шелк. Кожа тут же по-

крывается мурашками, а тело безвольно содрогается от подступающего к горлу крика.

Мычу что-то Арсу в губы, но он не реагирует. Он будто вообще меня не слышит и не чувствует. Максимально абстрагировался. Принял свою вседозволенность и наслаждается. Всем этим наслаждается!

Он не здесь сейчас. Он не он сейчас. Это кто-то другой. Я его не знаю, а знала ли вообще когда-то?

Пальцы немеют от того, с какой силой я сжимаю ими крышку стола, дыхание перехватывает, гул сердечного ритма оглушает. Полная дезориентация.

Я концентрируюсь на его прикосновениях. Глаза увлажняются.

Нужно оттолкнуть. Нужно его оттолкнуть, но тело не слушается. Я растекающаяся железная масса, не способная сделать сейчас хоть что-то. Прошлое. Сердце вопит о том, как это было приятно когда-то. Его поцелуи, объятия, прикосновения. Мозг хочет, чтобы те эмоции повторились. Хочет ту эйфорию. Тот окситоцин.

Но все давно по-другому. Все не так!

Арс издает какой-то рычащий звук, продолжая поглощать мои губы, а потом, потом оттягивает чашечку лифчика, задевает подушечкой пальца вытянувшийся и затвердевший сосок. Это прикосновение выстреливает новым шквалом сумасшедших, не поддающихся контролю эмоций. Прошлое и настоящее сталкиваются именно в этой точке меридиана.

Моргаю. Тяну носом воздух. Стараюсь выровнять пульс. Стараюсь не сойти с ума в этом шквале деструктивных эмоций! Они собираются над нами дождливым облачком. Угрозым небом, что вот-вот разольется дождем.

По щеке катится слеза. Одинокая. Гордая. Горячая.

Я должна все это прекратить. Едва нахожу в себе силы, чтобы отцепиться от стола, а Мейхер, он... Он огибает рукой мою талию, тянет вверх, выдергивая меня со стула, и прижимает к стене, отталкивая в сторону кресло.

На миг. На какой-то миг встречаемся взглядами. У него безумные глаза. Совсем черные. Радужка слилась воедино со зрачком. Демонический флер в человеческой ипостаси.

Сглатываю. Вжимаюсь затылком в стену, чтобы сомкнуть губы. Улучить для себя какую-то секунду и сжать зубы. Крепко-крепко.

Арс фиксирует мою шею ладонью. Давит. Упирается пальцами в щеки. Сжимает. Свободной ладонью скользит по моему бедру, собирая юбку практически на талии.

– Что ты делаешь? – бормочу в ужасе.

Только сейчас понимаю, что боюсь его, так сильно боюсь. Не доверяю. И верю, что он способен на все. Искренне в это верю.

У него нет якорей. Для него нет никаких красных флагов. Ничего нет. Он делает ровно то, что ему заблагорассудится, и не думает о последствиях. Никогда же не думал.

Боже...

Его пальцы все еще на моей шее, и это отбрасывает в прошлое. Приносит боль, как в ту ночь, когда он сжимал мое горло и смотрел. Смотрел так, будто вот-вот убьет. Раздерет на части.

Приподымаюсь на носочки, чтобы ослабить его хват. Чтобы минимизировать давление этой «удавки» на своей шее.

Трясет. Мелкая колючая дрожь рассыпается по телу, дышать все еще трудно. Говорить тоже.

Смотрю на Мейхера. В его глаза! А там ад, нет, чистилище. Ничего нет. Прожженная земля и горы пепла. Ненависть. Ярость. Обида. Боль. И ничего светлого. Совсем ничего.

– Пусти, – шепчу, но Арс не реагирует.

Вдавливает меня в себя и в стену лишь сильнее. Жметя, лапает и молчит.

Вокруг повисает такая страшная, звенящая тишина.

Мейхер приподнимает меня над полом, скользит указательным пальцем по ключицам, с гадкой улыбкой на губах подцепляет край моей рубашки и отодвигает в сторону, открывая своему взгляду доступ к моей груди в черном кружевном бюстгальтере.

– Пусти. Пусти! – Хочу ударить его, но он ловит мою руку, сжимает запястье, отводит в сторону.

– С Вэлом было лучше, м? Ты же мне соврала тогда, да? Он же тебя тогда трахнул. В ту ночь. Да, Майя? Признай это, наконец!

– Хватит. Хватит. Перестань, – бьюсь, как раненая пти-

ца. – Я не хочу тебя. Не хочу.

– Я хочу, – тянется к ремню на своих брюках, перед этим встряхнув меня, как тряпичную куклу. – После него не так прикольно, но я не особо в этом брезгливый.

– Не смей! – кричу и понимаю, что смогла ударить его по лицу.

Ладонь горит от хлопка. Арс моргает, трогает свою щеку. Бегает взглядом по моему лицу, и я чувствую, что не напирает больше. Толкаю его в грудь и отшатываюсь в сторону. Пытаюсь застегнуть рубашку, но почти все пуговицы валяются на полу.

– Уходи, – хриплю через слезы.

– Май...

– Уходи! – не могу сдержать крик. – Убирайся отсюда.

– Бл*дь. Бл*дь. Бл*дь!

Арс бьет кулаком по столу. Вздрагиваю от этого звука, как и лежащая на нем папка. Практически подпрыгиваю.

– Ты не так все поняла, – поворачивается, подходит ближе, ловит мои руки. – Слышишь? Не так все поняла, – чеканит по буквам.

Хватаю воздух носом, ртом, а надышаться не могу. Паника захлестывает. В какой-то момент просто оседаю на диван. Мейхер опускается следом, только на пол, упирается в него коленями, прямо передо мной. Наши лица почти на одном уровне.

– Я бы никогда, – шепчет и смотрит словно сквозь меня. –

Слышишь? Я бы тебя никогда...

Арс хмурится, отшатывается, давит пальцами на переносицу, а я, я рыдаю. Вою практически.

– Уйди, пожалуйста. Уходи, Арсений.

– Щас, – кивает, отталкивается от пола, поднимается на ноги.

– Да уйди же ты, наконец, – практически умоляю.

Запахиваю рубашку на груди сильнее и подтягиваю колени к подбородку, роняя туфли на пол, а дверь в кабинет открывается. Вздрагиваю. И я, и Мейхер смотрим теперь в одну сторону.

– Майя, я за тобой, – Вэл замирает, переступив порог, и медленно переводит взгляд с меня на Арса.

Глава 6

Арсений

В башке звенит. Этот звон заглушает абсолютно все другие звуки. Он инородный. Он оглушающий. Пространство сужается, а потом резко расширяется. Требуется несколько вдохов, чтобы помещение вновь приняло нормальные размеры.

Щека до сих пор горит. Касаюсь ее кончиками пальцев, а взгляд снова устремляется к Майе. Она сидит на диване. Сжалась. Закрылась. Спряталась.

От меня. Из-за меня.

Гул в башке становится тише, но все еще мешает воспринимать происходящее адекватно.

Я так не хотел. Не хотел же. Смотрю на свои руки, как на источник всего, что случилось. Замечаю, как подрагивают пальцы. Сразу же сжимаю их в кулаки и прячу в карманы брюк.

Потряхивает.

Я так не хотел!

Это было в каком-то вязком бреду. Когда ты не понимаешь, где реальность, а где выдумка.

Я мудака. Сволочь конченная, конечно, но не настолько. Хочу сделать шаг к Майе, снова попробовать объяснить, из-

виниться, но она шугается от одного моего взгляда на нее. Остаюсь на том же месте. Закрываю глаза и думаю... Думаю, думаю, думаю.

Как такое вообще возможно? Когда я потерял контроль?

Хотел ведь реально ее поздравить с назначением, она послала, и я подумал, что есть простой способ видеть ее на вполне законном уровне...

Шел сюда с мыслью поговорить. По-человечески. Посмотреть на нее, голос послушать. Она мне снится, и это тяготит. Это ни хера неприятно, это больно, потому что она там другая. Она там все еще моя, но даже во сне я понимаю, что это неправда. Она чужая теперь, и это даже к Вэлу отношения не имеет.

Совершаю вдох и чувствую боль, будто втянул мелкую стеклянную крошку.

Я так не хотел!

Смотрю на нее и понимаю, что она меня боится, реально боится. Да и я сам уже себя боюсь...

Я бы так с ней не поступил. Не поступил бы!

Доказываю это себе, внушаю, только вот после драки кулаками не машут. А я чет все пытаюсь...

Мудак.

Внутри все в узел завязывается. От боли, от стыда, от злости. Сейчас я злюсь на себя, но десять минут назад меня разрывало от дикой, неконтролируемой ярости, направленной на Майю.

Я вот на нее злился. Горько усмехаюсь, снова фокусируюсь на Майе. Маленькой, зашуганной, плачущей. Идиот.

Четыре года прошло, а меня все еще бомбит. Ревность адская. Неконтролируемая. Убивающая. Она меня в мясо раздирает. Убивает день за днем. Прошое все еще в моих мыслях. Оно все еще у меня за спиной, тяжело дышит, прямо в затылок. Я чувствую это и злюсь. Срываюсь. Не могу нормально жить. Только через боль и ярость.

Она меня предала тогда. Имела право после всего, наверное. Имела. Но это лишь рациональная часть меня понимает, а та, которой владеют эмоции, готова на куски рвать.

У меня в глазах темнеет периодами, когда я думаю о том, что он с ней. Сейчас с ней и тогда тоже, возможно, был с ней. Она позволила. Она ему позволила. Она ему себя отдала!

Вдох-выдох. Снова и снова, чтобы прийти в себя. Я снова на краю.

Прикусываю внутреннюю сторону щеки, совершаю глубокий вдох, пытаюсь вернуть себя в нормальное состояние. Получается лишь тогда, когда вспоминаю, что минуты назад я на серьезных щах мог ее изнасиловать. Хочется подобрать какое-то другое слово, но я выбираю правду.

Я злился. Я себя не контролировал. Я хотел сделать ей больно. Я хотел, чтобы она чувствовала все, что чувствую я. Потерю. Одиночество. Ярость. Бессилие.

Я ее хочу. Любую. Плевать на все. На прошое, на настоящее. С кем она и где, мне по*уй. Сейчас так, но моментами,

как минуты назад, я удавить ее готов. И себя заодно.

Пuls шкалит. Хочется курить. Тянусь за пачкой, но оставлю себя. Прокручиваю в голове все, что наговорил Майе в порыве своего еб*йшего отъезда мозга, и снова смотрю на нее. Она пытается собрать полы рубашки на груди, просит уйти, а я пошевелиться не могу. Прирос.

Но лучше бы ушел.

Когда открывается дверь и появляется Кудяков, напрягаюсь. У него на роже улыбка – первые секунды. Он ведь за Майей приехал. Зашел весь такой позитивный, зашел и замер.

Чувствую какое-то гадкое удовлетворение. Ситуация повторяется, но наоборот. Встречаемся с Вэлом взглядами, и я вижу, что он понимает, думает о том же. Злится. Жду, что кинется, что захочет разбить мне морду, у него же башку сносит от всего этого пи*деца, вижу это. Но он стискивает зубы и переводит взгляд на Майю. Она всхлипывает, поднимает голову, смотрит на него. Я жду взрыв. Жду его ярости. А он, он снимает с себя куртку и накидывает ее Майе на плечи. Касается ее щеки, садится рядом, обнимает. Что-то говорит совсем тихо и гладит. Гладит по волосам, по спине, продолжая что-то ей шептать.

Не обвиняет ее, не бросается на меня с кулаками, не эмоционализирует вообще. Я помню другого Кудякова. Совсем...

А у меня только притихшая буря ревности снова раздувается ветром эмоций. Эмоций оттого, что я вижу сейчас.

Он выбирает ее. Не свою злость и уязвленность, не желание кинуться в драку, а ее. Майю.

Это выносит окончательно. Вытаскиваю сигареты. Прикуриваю и затягиваюсь.

В кабинете повисает тишина, которую иногда нарушает шепот. Майя что-то ему говорит, он ей отвечает, а меня, меня для них словно нет. Я призрак. Сука, призрак из прошлого.

Затягиваюсь. Выдыхаю дым. Отвожу взгляд.

Смотреть на них выше моих сил. Я деморализован. Убит и воскрешению не подлежу.

Когда иду к двери, Кудяков произносит:

– Подожди, я с тобой покурю выйду. Поговорить надо.

– Вэл! – всхлипывает Майя.

– Я быстро. Две минуты.

– Ты не куришь.

– Я поговорю и вернусь, – сжимает ее плечи, касается губами щеки. – Все нормально.

– Пожалуйста... – хватает его за руки. – Не надо ничего делать. Слышишь?

Морщусь и отворачиваюсь. Смотрю на пошарпанную дверь и тушу о нее сигарету.

– Я просто хочу поговорить. Никаких драк, моя Фиалочка.

Он говорит очень тихо, но я так наостряю слух, что все слышу. Ее так мать называла всегда – Фиалочка.

Сука!

– Пошли.

Снова слышу Кудякова, только теперь уже за своей спиной.

– Ну пошли, – толкаю дверь и выхожу из кабинета.

Оказавшись на улице, сбегая по ступенькам и снова достаю сигареты.

Кудяков спускается следом, осматривается и предлагает отойти чуть дальше. Молча иду туда, куда он показывает. Метров десять от входа.

Затягиваюсь, пепел стряхиваю уже по дороге.

Останавливаемся с Вэлом одновременно, при этом держим дистанцию в один широкий шаг.

– Угостишь?

Реагирую на голос Кудякова. Киваю в знак согласия и протягиваю ему пачку. Зажигалку тоже подгоняю.

– Бросал же, – зажимает зубами сигарету.

– Говорят, что невозможно до конца бросить ни одну вредную привычку, если выработалась зависимость. Срывов за жизнь в любом случае будет не избежать...

– Согласен, – смотрит на оранжевый огонек.

– О чем будем говорить?

Вэл молча смотрит в сторону какое-то время, а потом переводит взгляд на меня.

– Чего ты от нее хочешь?

– Тебя не касается, – отворачиваюсь, выдыхая дым.

Дуновение ветра в этот момент воспринимается острее и будто холоднее, чем обычно. Затылок покрывается мурашками. Такое мерзкое ощущение. Словно кто-то стоит позади и дышит.

– Ты хотя бы примерно представляешь, что с ней было? Тогда, – прищуривается. – Четыре года назад?

– Ты меня полечить вышел? Если что-то не устраивает, по морде съезди, а лекции читать не надо.

– Тебе? – Кудяков лыбится. – По морде? Прости, чувак, но руки пачкать об тебя я не буду. Подставлять Майю не в моих интересах. Ты же не отдаешь себе сейчас отчет, где мы находимся, правда?!

– Ты когда таким правильным стал? Раньше разговоры были другими. Или... Это все ради нее? – догадываюсь, и улыбка на губах сама проявляется. – Угадал? Ты нужен ей исключительно хорошим мальчиком.

Вэл делает последнюю затяжку. Тушит окурочок о край урны. Выбрасывает. Ловит мой взгляд.

Злится. Вижу это, чувствую. Злится, но отлично держится. Если бы я его не знал, то подумал бы, что ему ровно, что мои слова не задевают. Но его пронимает. Я попал в точку. Ни хера у них не нормально. Красивая сказка, в которую они оба верят и которой пытаются соответствовать. Тихо, правильно, скучно. До тошноты.

– Майя тебя хорошо выдрессировала. Команду «к ноге» ты выполняешь отлично, я сегодня лично понаблюдал. Какие

еще знаешь? Сидеть? Молчать?

Провоцирую. Отдаю себе отчет в том, что делаю. Бомбит. Несмотря на все выводы, к которым я пришел, то, что увидел в кабинете, до сих пор в башке не укладывается. Вся эта гребаная идиллия, эти розовые сопли, что Кудяков там развел... Хотя это вторично.

Покоробило доверие. Сука. Она же ему реально верит. А он ей. Без всякой задней мысли. Без «но», вообще!

Все же повторилось сегодня, но вместо того, чтобы предъявлять ей, он ее, бл*дь, целовал и обнимал. Она ему рассказывала, что произошло, а он верил. Ей верил.

А я... Я не поверил. Тогда.

Тру солнечное сплетение. Ноет. В груди ужасно ноет от понимания своей никчемности. Какая, к херу, разница, выдрессировала она Вэла или нет, если он рядом с ней. Он. Не я.

Я, бл*, обтекаю по второму кругу.

Все, что мне остается, – вывести Кудякова из себя. Помахать кулаками, чтобы выплеснуть эти жгучие и такие пагубные эмоции. Отыгаться хоть как-то, потому что накрывает. Я не понимаю, что дальше делать. Не знаю, как все это исправить.

Злюсь.

А безысходность – вот она, снова рядом. Снова улыбается и машет мне ручкой. Такая уже привычная...

– Дурак ты, Мейхер, – Вэл произносит это с какой-то уби-

вающей жалостью. – Ты так ничего и не понял. Не трогай ее больше.

– А если не могу? – перекатываюсь с пяток на мыски, упираясь взглядом в Кудякова.

– Все это время же как-то мог. По-моему, особо не горевал.

– Ты откуда знаешь? – стряхиваю пепел и убираю свободную руку в карман брюк.

– Несложно догадаться. Хотя бы потому, что она там сейчас плачет. Из-за тебя.

Кудяков трет свой кулак, сжимает-разжимает его медленно, не сводя с меня взгляда при этом. Четыре года назад драка бы уже понеслась...

А сейчас, сейчас бить Кудякову морду я вроде даже как и права не имею. Вроде как не за что. Да и прав он. Во всем. Она там плачет именно из-за меня. Она там рыдает, а он тут строит из себя рыцаря.

Тошно.

От себя в первую очередь тошно. Но тем не менее заткнуться просто так не могу. Сам себя с потрохами сдаю. Наружу выворачиваю свою слабость, но все равно произношу это:

– Ты ее когда трахаешь, она тебя моим именем часто называет? – улыбаюсь. Делаю шаг назад и развожу руки в стороны. – Даже это проглотишь? – смеюсь. – Кудяков!

– Ты жалок, Арс, сейчас. Вали отсюда. И к Майе не при-

ближайся больше.

– Тебя спросить забыл.

– У нее спроси, хочет ли она тебя видеть, – бросает через плечо, пока я пялюсь ему в спину, а потом останавливается. Резко разворачивается и подходит ко мне практически вплотную.

Стискиваю зубы и отшатываюсь.

– Ты знаешь, у нас же с ней тогда, четыре года назад, и правда ничего не было, Мейхер. Совсем. Я ее к себе из клуба привез, чтобы она глупостей не наделала. Сам в гостиной спал. Ну, она тебе это говорила тогда. Пыталась, по крайней мере, но ты ее не слушал. Ни тогда, ни сейчас. Мне тебе врать тоже никакого смысла не было и нет, Сеня, – хлопает меня по плечу. – Поэтому, когда мы с ней спим, о тебе она не вспоминает. А вот теперь обтекай, придурок.

Кудряков уходит, а я пошевелиться не могу. Все вокруг трясет краски.

Он серьезно сейчас?

Я же знал. В глубине души, на подсознании, варился в этом всем эти годы и знал!

Не могу вдохнуть. Тяну воздух носом, а вдохнуть не получается. Организм бьет тревогу, наваливает паники, и все это за какие-то секунды. Пульс ударов сто шестьдесят, наверное.

Закрываю глаза, чтобы просто успокоиться, чтобы вдохнуть. Когда получается, разворачиваюсь и бреду к тачке. Падаю на сиденье, все еще испытывая мощнейшее потрясение.

Точно обтекаю.

Эта правда выносит на раз-два.

– К Марату меня закинь, – прошу водителя, а сам себя почти не слышу.

Когда машина останавливается у знакомого ЖК, плетусь к лифту. Хаос из мыслей только усугубляется.

Я же... Я...

Прилипаю затылком к стенке внутри кабинки и жму на кнопку нужного этажа. Хочется забыться, но я, даже напиться себе не могу сейчас позволить, иначе отца подведу. Остаться одному – тоже не вариант. Кажется, что, если рядом никого не будет, чокнусь. Мысли удушат. Вина растерзает в первый же час.

Стучу в дверь, пока Марат ее не открывает.

– Ты чего при... Арс, все нормально? Выглядишь хреново.

– Войду?

– Конечно, – Маратик отходит в сторону.

– Ты чего? Что-то случилось? С мамой? С Олей?

– Не, – качаю головой и снимаю ботинки. – С ними все норм, – прохожу на кухню.

– Ладно... Ужинать будешь? Тая приготовила рыбу.

Морщусь. Не потому, что Тая приготовила, нет. Просто еда в глотку не полезет сейчас. Слишком противно от всего, что я сегодня слышал, говорил и делал.

– Ты с Майей когда последний раз виделся? – поднимаю

взгляд на брата.

– Не знаю даже. Не помню. Года три назад, наверное. А что?

– А я сегодня.

– Оу. Где? Зачем?

– Она с Кудяковым встречается. Прикинь?!

– Они дружили вроде.

– Дружили. Да, именно так.

Киваю. Молчу пару секунд, а потом вываливаю на Маратика все, что со мной сегодня произошло. Легче от этого не становится, но в себе все это говно держать уже просто не получается.

– Ты, конечно... Молодец, – Марат невесело ухмыляется. – В твоём стиле.

– Че делать-то теперь? – смотрю на него, будто он моя последняя надежда.

– Отстать от нее, – влезает появившаяся на кухне Тая. – Сам же говоришь, что у нее с Кудяковым все хорошо.

– Тебя спросить забыл.

– А я твоего позволения говорить и не спрашивала. Только такой ты ей не нужен. Майя у нас девочка хрупкая, ранимая, любит, когда вокруг нее носятся. За все годы, что я тебя знаю, могу сказать одно: ты, Арс, на такое неспособен. Увы.

– На х*й пошла!

– Именно об этом и говорю.

Утро воспринимается еще суровой вечера. Теперь вчерашние слова Вэла воспринимаются еще острее. Никак не могу выкинуть их из башки. Выходит ведь, что я сам все испортил. Сам все разрушил. Майя права была. Я и правда могу только разрушать. Себя и все вокруг. Теперь еще и ее...

Ночью заснуть так и не смог. Крутил на репите все, что ей наговорил вчера, все, что сделал. Она плакала. Меня первые секунды это ведь позабавило даже. Я на миг порадовался, что смог причинить ей боль. Придурок.

Потом начал осознать, что натворил. За такое не извинишься. Такое не забудешь, даже если захочешь.

Смотрю на свои руки, а пальцы, я ими до сих пор чувствую, как к ней прикасался. Башню снесло на раз. То, что столько времени было запретно, теперь вот тут, в моих руках. Инстинкты обострились, а мозг выключился. Вел себя как животное, только вот внутренний голос все равно ликует, что я ее облапал. Почувствовал в своих руках. Снова.

Перевожу взгляд на монитор, щелкаю мышкой как раз тогда, когда в кабинет заходит отец.

– На следующей неделе, – начинает прямо с порога, – Азарин планирует одно мероприятие, так вот тебе нужно там быть. Обязательно.

– Окей, – киваю и смотрю сквозь монитор.

– Ты вчера больше часа проторчал в отделении полиции. Мне доложили, что там работает эта девочка... Майя, да?

– Если знаешь, зачем спрашиваешь?

– Хочу убедиться, что ты не сотворишь какую-нибудь глупость, Арсений. Первая любовь многих ломает, но это...

– Можешь не переживать по этому поводу. Я же обещал.

Отец кивает. Поднимается и направляется к двери. Молча практически, как тогда...

Тогда, четыре года назад, из квартиры Вэла, где я нашел Майю, поехал сразу домой. Казалось, что жизнь остановилась на этом. Все, что окружало, вдруг стало абсолютно безразлично. Не знаю, сколько часов я просидел в своей комнате с задернутыми шторами, практически в полной темноте, пока не зашел отец и не включил свет. Яркая вспышка ослепила. Мне кажется, я тогда уже вообще ничего не соображал.

Я так злился, болтался на перепутье – остаться дома или сорваться к Майе. Встряхнуть ее хорошенько, чтобы сказала, что врет, что любит и любила, что ничего у нее с Вэлом не было. Или забыть это. Простить. И плевать, даже если это все правда. Упасть перед ней на колени и просить прощения за все, что я сделал. Умолять ее, чтобы она осталась рядом.

Думал, но продолжал неподвижно сидеть в своей комнате. Затравленный взгляд. Красные глаза. Мокрые щеки.

Это был я. Мое отражение в зеркале, висящем напротив того угла, в который я забился. Сидел там как последний нытик на полу и жалел себя. Думал, сердце выблюю той ночью.

Было стремно, что отец все это увидел. Стыдно перед ним и перед собой. Ныл там как девка...

Сам от себя не ожидал, но в какой-то момент стало просто невыносимо. Слишком больно.

Отец тогда ничего не сказал. Погасил свет, закрыл за собой дверь, а на следующий день предложил улететь на учебу в Америку. Он ничего не уточнял, не спрашивал, просто подкинул вот такой вариант, а я, я согласился и свалил. Правда, удержаться от последней встречи с Майей не смог. Позвал ее в кафе, хотел посмотреть напоследок. Может быть, понять, что ошибаюсь, но ни черта не понял. Злился, выпалил ей, чтоб она больше на глаза мне никогда не попадалась.

Теперь понимаю, что зря.

Я ошибался.

Единственное, что пока могу сделать, это вернуться к событиям тех лет и для начала выяснить, кто тогда слал мне эти анонимные сообщения. Почему-то именно сейчас осознаю, что хочу это знать...

Глава 7

Майя

Обхватываю горячую кружку кофе ладонями и наблюдаю за тем, как Вэл собирает себе бутерброд. Все это происходит в звенящей тишине. За окном уже рассвело: и мне, и Кудякову давно пора выйти из квартиры и поехать по своим делам, но мы не торопимся. Скорее, наоборот, сильно замедлились. Делаем какие-то обыденные утренние вещи на автомате, обоюдно стараясь не сталкиваться друг с другом взглядами.

Вчера Вэл привез меня к себе. Привез, не спрашивая моего мнения, хотя в том подавленном состоянии мне было все равно, куда ехать.

Он злился. Я это видела и чувствовала себя виноватой. Салон машины, как только мы там оказались, переполнился этой яростью, хоть внешне Вэл и оставался спокоен.

Он ни разу не повысил голос, не обвинил меня, нет. Напротив, проявил понимание и сделал упор на том, что это Мейхер во всем виноват. Хоть самому Вэлу произошедшее было и неприятно, он словно на подсознании старался меня выгородить, но сама я оправдывать себя не стала.

Арс, конечно, перешел черту, но я ведь могла сразу его оттолкнуть. Могла, но почему-то не сделала этого. Был ли

это страх или я его себе придумала? Ну, вроде как сочинила, чтобы оправдаться за слабость перед самой собой в первую очередь. Придумала вот такую вот отмазку: потому что неправильно спустя четыре года продолжать что-то чувствовать к человеку. Что-то кроме ненависти. А вчера, вчера это стало так очевидно, что под ненавистью, злостью, страхами до сих пор скрывается что-то теплое и светлое.

Это испугало даже сильнее, чем пальцы Арса на моей шее. Больше, чем все те проклятые болезненные воспоминания из прошлого. Это же самый настоящий кошмар наяву.

Все словно повторилось в какой-то извращенной форме. Мы снова попали в эту ловушку втроем, только теперь путь к выходу из нее в разы труднее.

На кухне что-то падает, возвращая меня из мыслей на бrenную землю. Поворачиваю голову. Вэл уронил кружку в раковину, и она разбилась.

– Блин, – Вэл морщится и выдвигает ящик, где лежит аптечка. Вытаскивает пластырь.

Отмираю, соскальзываю с барного стула и подхожу к нему.

– Я помогу, – забираю пластырь.

Большой палец на его правой руке все еще кровит.

– Промыть нужно.

Открываю кран, а Вэл тянет руку под струю воды.

Пока шумит вода, откупориваю полоску пластыря, после чего обматываю его вокруг раненого пальца.

– Готово, – тру нос и, наверное, впервые за это утро стал-
киваюсь с Вэлом взглядами.

Мы не то чтобы поругались вчера, просто я находилась
в каком-то вакууме после случившегося. Ушла в себя. Ана-
лизировала. И совсем забыла, что не одна здесь. Тогда еще
подумалось, что мне лучше было бы у себя дома в такой
момент, а в итоге не просто подумалось, но и озвучилось.
Неосознанно.

Вэл кивнул, надел куртку и ушел. Его несколько часов не
было, правда, поначалу я его отсутствия даже не заметила,
а потом, потом началась паника. Мы оказались на грани се-
рьезной ссоры, а может быть, уже в нее погрузились. Как та-
кое было возможно вообще? Мы же даже не ругались нико-
гда за все три года общения. Совсем. А тут вот...

Я стала ему звонить, а он оставил телефон на кухне. Вот
на этой самой барной стойке, за которой я сидела минуты
назад.

– Спасибо, – Вэл бегаёт взглядом по моему лицу, сжима-
ет пальцами непораненной руки мое запястье и поджимает
губы. – Я вчера перегнул, прости.

– Все нормально, – пытаюсь улыбнуться, но выходит кри-
во. – Я тебе звонила, – вздыхаю.

– Я видел, когда пришел. Двадцать пропущенных. Про-
сти, я свалил, потому что не хотел скатываться в банальный
скандал. Вчера и так этого дерьма хватило.

– Я понимаю и не злюсь. Правда. Ты меня тоже прости, –

смотрю ему в глаза и вижу там свое отражение. Такое маленькое, лживое и никчемное. – О чем вы говорили? – перехожу на шепот, прижимая раскрытую ладонь Вэлу к груди.

Он ведь так и не рассказал мне вчера, что было на улице. Только вот после этого разговора с Мейхером вернулся Кудяков взвинченный и раздраженный. Наверное, поэтому и повез меня к себе, нечего не спросив. Просто на автомате. Просто в своих мыслях.

– Не бери в голову, Май. Арс все понял и больше рядом с тобой не появится. Я уверен.

– Хорошо, – киваю, а сама, если честно, не понимаю, хорошо это или нет. Хочу я этого или нет... Кажется, я схожу с ума.

– Мир? – Вэл протягивает мне мизинчик.

Смеюсь и зацепляю его за свой.

– А мы разве ругались? – приподнимаю бровь.

Вэл мотает головой. Смотрит на меня каким-то дичайшим взглядом и, сократив расстояние между нами до пары миллиметров, рывком усаживает меня на столешницу. Ойкаю, а его губы уже накрывают мои в требовательном поцелуе. В поцелуе, не терпящем возражений. Собственническом.

Чувствую его пальцы, а потом и всю ладонь, обхватывающую мою щеку.

Он смотрит мне в глаза, оторвавшись от губ, и я вижу, как темнеют его радужки.

– Почему ты не сказала, что он в городе? Зачем он прихо-

дил? – Вэл переходит на шепот, и мне становится не по себе. Тело покрывается колкими мурашками. Передергивает. Хочется себя обнять, крепко-крепко, а лучше спрятаться.

– Я боялась, что... Прости. Нужно было сказать, – часто киваю.

– Нужно. Да, нужно было сказать. Я всегда тебя пойму, помни это.

Эти слова звучат так тепло, что сердце щемит. Они именно обнимают. Вэл еще секунды смотрит на меня, а потом снова целует. Жадно. На грани какой-то жестокости. Сжимает, лишая возможности двигаться, продолжая поглощать мой рот. Это распяляет. Щеки краснеют, низ живота приятно сокращается, и в какой-то момент его ладонь скользит по внутренней стороне моего бедра. Добирается до треугольника трусов и отодвигает их в сторону.

Вздрагиваю и распахиваю глаза. Чувствую в себе его пальцы и, кажется, задыхаюсь. Задыхаюсь, потому что мне неприятно, а ведь еще несколько дней назад мне с Вэлом было хорошо...

Накатывает паника. Я пытаюсь перебороть себя, пытаюсь расслабиться, но не выходит. Тело напряжено, как струна, а душа оголена.

Я чувствую какое-то едва сдерживаемое желание оттолкнуть Вэла, но борюсь с собой, конечно. Мы столько пережили вместе. Поддерживали друг друга, всегда-всегда были рядом. Он меня насильно вытащил из депрессии, заботился,

смешил, оберегал. А я... Я, получается, им все это время пользовалась?

От этой простой, но кощунственной мысли, с которой я не хочу соглашаться, обдает холодом. Нет! Такого не может быть. Я его любила, точнее, люблю. У нас все хорошо. Мы идеально друг другу подходим. Он же мой человек, правда?

Закрываю глаза, чтобы не расплакаться. Нос уже щекочет от подступающих слез.

Тело каменеет, я чувствую, как Вэл меня целует, обнимает, как его пальцы проникают в меня, кажется, даже слышу, как он расстегивает ремень, и ничего не делаю. Сопровитвляюсь только у себя в голове. Стыжусь этого тоже там.

Боже мой, ну ведь так просто сказать нет. Сказать, что не хочу сейчас, что у меня в душе раздраз, или же, что мне плохо. Он поймет. Всегда понимал, но почему-то в той ситуации, в которой мы сейчас оказались, этот отказ видится мне еще большей катастрофой.

А если он не поймет? Если я его этим обижу? Он этого не заслуживает.

Упираюсь ладонями в столешницу позади себя и стараюсь абстрагироваться. В голове хаос из мыслей и жуткая паника. Что я творю? Что мы творим? Когда на барной стойке оживает мой телефон, сознание цепляется за этот звук, как за спасательный круг. Этот звук – глоток свежего воздуха для меня сейчас. Касаюсь ладонью плеча Вэла, пока его губы продолжают оставлять мелкие поцелуи на моей шее.

– Вэл, звонят. Мне нужно ответить. Это, наверное, Денис.

Я опаздываю, а полковник и так вчера рвал и метал.

– Подождут, – рычит Кудяков.

– Вэл, пожалуйста, – пытаюсь до него достучаться, не срываясь в истерику. Стискиваю ткань его футболки на плече в кулак, а второй ладонью отталкиваюсь от столешницы, прижимая её к его груди. – Это может быть важно, – шепчу, – слышишь?

Вэл шумно выдыхает. Мне кажется, ему сложно сейчас взять себя в руки, но он старается. Закрывает глаза, часто кивает, обхватывает ладонями мои плечи, а потом резко отходит в сторону. Растирает лицо ладонями, проходит пятерней по волосам, треплет их и издает какой-то тихий, но хриплый звук.

Аккуратно соскальзываю со столешницы, касаясь ступнями пола, и делаю неуверенный шаг к барной стойке. Хватаю телефон и после недолгой паузы отвечаю на звонок.

– Ты что, еще не на работе? Спишь там, что ли? – басит Денис.

– Я попала в небольшую пробку, но скоро буду. Что-то случилось? – приглаживаю волосы на висках, все еще пытаюсь отдышаться.

– Так, значит, можешь разворачиваться. Адрес сейчас скину. Тебе нужно сгонять в больничку, у нас тут на районе звезду отмудохали, этот, актер. Мейхер! Ты как-то говорила, что училась с ним, так что тебе и карты в руки. Прокру-

рорские у нас это дело заберут, конечно, но отметить тебе надо, так что езжай, составляй протокол, заводи дело и подшивай все это дерьмо туда.

– Поняла. Да, я съезжу. А что с ним? Все серьезно? И при чем тут мы?

– Я толком не вникал, говорят, гопота какая-то на улице поймала. Он, оказывается, у нас на районе живет, в тех мажористых домах, что и ты, – Денис смеется. Судя по всему, у него хорошее настроение этим утром.

– Я даже не знала...

– Короче, как приедешь, узнаешь там все и отзвонись мне. Полковник тут с утра в мыле бегаёт.

– Хорошо будет сделано, товарищ капитан, – улыбаюсь.

– На созвоне тогда.

Денис вешает трубку, а меня снова окутывает оцепенение. Велий все еще за моей спиной, на расстоянии нескольких шагов. Крепко сжимаю телефон в ладонях, сглатываю вставший в горле ком и, набрав в легкие побольше воздуха, медленно разворачиваюсь.

Как только это происходит, молниеносно сталкиваемся с Вэлом взглядами. Чувствую себя предательницей, лгуньей и вообще самым ужасным человеком на земле, но поделать с этим ничего не могу. Все слишком сложно, слишком остро, так быть не должно было.

– Мне нужно в больницу, Денис сказал. У нас там избивание, – киваю в сторону окна. – Марата. Мейхера.

Вэл приподнимает одну бровь. Он явно удивлен услышанным. Да уж, фамилия Мейхер, кажется, нас теперь преследует. На секунды в голове селится мысль, а не подстроил ли что-то снова Арс, но я ее от себя гоню. Это будет совсем за гранью. Даже для Арса.

– Сама в ужасе, – шепчу, пожимая плечами.

– Тебя подкинуть?

– До дома. Мне нужно забрать свою машину. Передвижений сегодня, кажется, будет много...

– Понял. Поехали тогда.

Вэл поправляет ремень на брюках, оттягивает ворот футболки, приглаживает растрепавшиеся волосы и направляется к двери, схватив с барного стула свою сумку, семеню за ним следом, все еще придавленная плитой вины.

– Нам поговорить нужно, – бормочу, наблюдая за тем, как Кудяков обувается и достает из шкафа куртку для себя и тренч для меня.

– Суть я уже уловил, но давай отложим это до вечера, – смотрит на свои часы. – Я тоже спешу.

– Ладно...

Завязываю поясок на тренче и выхожу из квартиры. Вэл по-прежнему живет в Сити. Пока шагаем по коридору к лифтам, кручу в голове новости, рассказанные Денисом. Марата – и избили... С чего бы вдруг?! Последние годы он как-то сильно далек от обычных людей. А тут гопники на улице избили...

Может, и правда проделки Арса?

Мозг плавится от этого роя мыслей. Засовываю руки в карманы и захожу в лифт. Становимся с Вэлом друг напротив друга. Я смотрю в пол, а он на меня. Чувствую его взгляд, потому что щеки огнем горят.

Нерешительно поднимаю глаза и глупо улыбаюсь, накрепко вцепляясь в ручки своей сумки. Вэл вырисовывает какое-то подобие улыбки, но она больше похожа на усмешку. Лифт останавливается и распахивает двери.

Выходим. До моего дома едем в тишине. Когда вылезаю из салона, хочу что-то сказать, но пока соображаю, что говорить, Кудякову звонят. Захлопываю дверь, а Вэл уезжает, больше не взглянув в мою сторону.

За руль сажусь подавленной, а нужно ведь еще ехать в больницу. Тру лицо, радуясь, что не красилась сегодня, и завожу машину.

В больнице оказываюсь полчаса спустя. Мне везет, и ни в какие, даже самые крошечные заторы я не попадаю. Первые минут десять беседую с врачом и только потом иду в палату, где лежит Марат.

Выглядит он ужасно, весь синий и перебинтованный. Его внешний вид моментально отвлекает меня от собственных душевных терзаний.

– Привет, – взмахиваю рукой и прохожу вглубь помещения. Беру для себя стул и ставлю его рядом с койкой, на которой лежит Мейхер. – Как тебя так угораздило?

– Майя? – Марат хмурится, после чего издает тихое шипение, видимо, от боли. – Ты что тут...

– Я следователь. Ты должен мне все рассказать. Как это произошло?

– Точно. Арс что-то такое говорил. Как? Шел, попросили закурить...

– Тебя привезли в восемь. Уже не так темно было, да и на работу люди идут. Значит, должны быть свидетели, – улыбаюсь.

Правда, улыбка моя гаснет буквально за миг, потому что дверь в палате открывается, являя миру Арсения. Он заваливается сюда как к себе домой. Замечаю за его спиной несколько мужчин в черных костюмах. Они, естественно, остаются за дверью.

Арс бегло оценивает ситуацию и, почесав затылок, выдает:

– Пи*дец ты красавчик!

Крепче сжимаю пальцами край папки, лежащей на моих коленях. Арс тем временем проходит вглубь палаты, упирается ладонью в изголовье кровати Марата. Наблюдаю за тем, как Мейхер рассматривает своего перебинтованного брата, и считываю на его лице тотальнейшее раздражение.

– Мне... – Нервно постукиваю носком туфли по полу. – Нужно задать Марату пару вопросов.

– Потом, – отрезает Арс. – Ему сейчас не до ментов, то

есть, – отсекается и ловит мой взгляд. – Можешь выйти минут на десять. Выпей кофе, ладно? Нам бы парой слов перекинуться. Тебе же нужно просто все записать? Я уже позвонил, это дело у вас заберет прокуратура, так что особо стараться смысла нет, Май.

Смотрю на Арса, потом перевожу взгляд на Марата и медленно поднимаюсь со стула: спорить нет никакого смысла. Арс прав, дело у нас все равно заберут, а все записать я успею, даже если сейчас схожу за кофе. Правда, выпрямившись, ни единого шага сделать не успеваю, потому что Марат произносит:

– Пусть она останется здесь. Это ее работа, и я в состоянии отвечать на вопросы.

– Маратик, – Арс давит голосом, чуть склоняясь над братом.

– Я буду отвечать на ее вопросы, – настаивает Марат и смотрит на меня.

Прижимаю попу к стулу и, глянув на Арса, пожимаю плечами, мол, хозяин барин.

– Начнем тогда? – беру ручку.

Марат кивает, а Арс разваливается в кресле неподалеку, принимая максимально открытую и расслабленную позу хозяина жизни. Чувствую себя в его присутствии неуютно, но борюсь с этим. Я все же здесь по работе и должна ее выполнить.

– Скажи, пожалуйста, где именно на тебя напали? Будет

хорошо, если вспомнишь время и какие-то особые приметы нападавших. Может быть, шрамы или дефекты речи? Татуировки? Примерный возраст?

Марат облизывает свои сухие пораненные губы, сглатывает, отчего его кадык дергается, бросает, такое ощущение, что зашуганный, взгляд на брата и произносит:

– Их было трое. Среднего телосложения. Ну, ростом, может, как я, один чуть выше. Шрамов и тату не было, речь тоже нормальная. Все трое до двадцати пяти лет точно.

– Почему ты решил, что именно до двадцати пяти?

– Они между собой про универ говорили, что, если спялятся, отчислить могут.

– А то, что могут посадить, их не волновало? – бормочу, пряча улыбку. – Хорошо. Что еще говорили?

– Да ничего, закурить попросили. Стандартно все. Я сказал, что не курю, ну а потом вот, – касается своей перебинтованной головы.

– Они что-то взяли?

– Наличку. У меня с собой тысяч пять было.

– Это все? А телефон? Часы? – смотрю на его запястье, на котором красуется «Ролекс».

– Я его дома забыл. А часы – нет, – встряхивает рукой, – не взяли.

Киваю, подмечая, что кольцо и цепочку у него тоже не забрали.

– Где это было?

– Недалеко от дома. У нас там магазин есть круглосуточный, я вышел за...

Марат замолкает. Выглядит это так, словно он придумывает, за чем пошел.

– За чем? – упираюсь стержнем ручки в листок.

– За...

– Сигаретами, видимо, – хмыкает позади Арс.

Поворачиваю голову и просто не могу не закатить глаза от этих дурацких подколов. Мейхер на это только ухмыляется, чуть приподнимая брови. Типа, а что такого?!

– Там продают алкоголь. Круглосуточно, – чуть тише произносит Марат, и я снова сосредотачиваю все свое внимание на нем. – Я вышел, чтобы купить коньяк. По закону запрещено же продавать так рано, вот я и не знал, стоит ли говорить.

– Понятно, – киваю и делаю себе заметку проверить наличие внешних камер у этого магазина. – То есть ты считаешь, что это просто хулиганы какие-то? Они тебя узнали?

– Вряд ли. Я в кепке был и капюшоне. Уже год так на улице выхожу, чтобы не приставали.

– Ясно, – поднимаюсь на ноги. – Отдыхай и выздоравливай. Как сказал Арс, этим и правда будет заниматься прокуратура, так что в ближайшие дни к тебе приедет другой следователь и снова будет задавать вопросы. До свидания.

– Был рад тебя увидеть, Майя, жаль, что вот в такой ситуации, – бормочет Марат, а потом отворачивается.

Киваю и выхожу за дверь. Странно это все. Утром, когда

все идут на работу, Марат зачем-то идет за алкоголем, и на него нападают студенты. Забирают только деньги, оставляют часы за несколько миллионов, но тут ладно, тут можно спалиться на их перепродаже. Но вот кольцо, цепочка – все на месте. Все на нем. И все это уже миллионов не стоит. Странно. Постановкой это не выглядит, избит он по-настоящему, тогда что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.